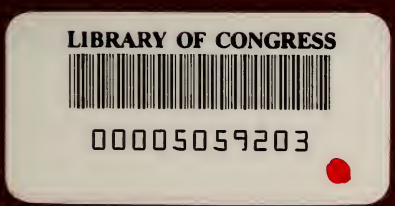
PA 4010
.R8

1807



ТВОРЕНІЯ
ГЕЗІОДА.

Hesiodus.

ТВОРЕНІЯ ГЕЗІОДА,

ПЕРЕВЕДЕННЫЯ

ПАВЛОМЪ ГОЛЕНИЩЕВЫМЪ-КУТУЗОВЫМЪ.

МОСКВА,
ВЪ ТИПОГРАФІИ ПЛАТОНА БЕКЕТОВА.

1807.

R8
1807

Съ одобренія Цензурнаго Комитета, учрежденнаго для Округа Императорскаго Московскаго Университета.

ПРЕДУВѢДОМЛЕНІЕ.

Снисходительное одобреніе, каковаго мои произведенія удостоены отъ людей просвѣщенныхъ, знающихъ цѣну витійства и стихотворства, поселило въ меня смѣлость переложить на нашъ языкъ славнаго Греческаго стихотворца Гезіода, современнаго Гомеру. Въ заглавіи онаго не сказано, съ какова языка я сей переводъ сдѣлалъ, сего я точно и сказать не могу, поелику я въ трудѣ моемъ кромѣ Англинскаго, Французкаго и Нѣмецкаго переводовъ вспомоществуемъ былъ совѣтами человѣка хорошо знающаго по Гречески, и указывавшаго мнѣ, въ которомъ изъ вышесказанныхъ переводовъ какое мѣсто ближе къ Греческому подлиннику; слѣдовательно я переводилъ съ трехъ разныхъ языковъ. Я старался по мѣрѣ силъ моихъ сохранить величественную простоту, а паче силу мудрыхъ правилъ, преподаваемыхъ симъ Стихотворцомъ, коего Овидій въ Превращеніяхъ, а Виргилій въ Георгикахъ избрали себѣ образцомъ.

За нужное почитаю нѣчто сказать о содержаніи сей его Поэмы, называемой: РАБОТЫ и ДНИ.

Отецъ, Гезіода отягощенный бѣдностію,

оставилъ городъ Кумы, гдѣ онъ родился. Получа нѣкоторые прибытки отъ морской торговли, онъ поселился въ Аскреѣ, большой деревнѣ Беотійской, гдѣ и жизнь кончилъ, оставя двухъ сыновъ: Гезіода и Персея.

Молодый Персей, склоня подарками на свою сторону посредниковъ при раздѣлѣ отцовскаго имѣнія, получилъ выгоднѣйшую и знатнѣйшую часть общаго наслѣдія; но вскорѣ расточа большую часть своего имущества, принужденный прибѣгнуть къ брату своему Гезіоду, содѣлавшемуся жрецомъ Музъ на горѣ Геликонѣ, получилъ отъ него помощь. Сіе произшествіе доказано самою поэмою, въ коей Гезіодъ къ брату своему Персею часто обращается. Сія Поэма раздѣлена на двѣ части.

РАБОТЫ содержатъ въ себѣ:

1е. Прологъ, оканчиваемый баснями о ковчегѣ Пандоры, о пяти вѣкахъ міра, и апологомъ коршуна и соловья.

2е. Нравственныя, правила глубокой мудрости исполненныя.

3е. Наставленія о земледѣліи и о морской торговлѣ, послѣ коихъ стихотворецъ

обращается вновь къ общимъ правиламъ нравственности и домостроительства.

ДНИ заключаютъ описаніе дней щастливыхъ и удобныхъ къ произведенію разныхъ сельскихъ работъ. Сіе твореніе любопытно, потому, что изображаетъ какъ образъ мыслей, такъ и правила того времени.

Поелику на нашемъ языкѣ перевода Гезіода никогда не существовало, то смѣю льститься надеждою, что мой трудъ многимъ пріятенъ будетъ, и что недостатки великодушно простятъ мнѣ, вспомня, что въ мірѣ нѣтъ ничего совершеннаго.

Къ симъ Твореніямъ Гезіода присовокуплена еще его Θеогонія, или родословіе боговъ, заключающее въ себѣ составъ религическаго древнихъ ученія, изложенный въ нѣкоемъ особомъ порядкѣ, какъ будто бы для указанія, что подъ симъ иносказаніемъ скрываются указанія на разныя науки, кои по тогдашнему образу мыслей, изъ Египетскаго таинственнаго ученія почерпнутому, не могли иначе быть преподаваемы, какъ подъ іероглифами, а часто и подъ описаніями лицъ, прообразовавшихъ, или работы

натуры, или операціи, до какихъ либо наукъ принадлежащія.

Чтеніе Гомеровыхъ Поэмъ достаточно доказать можетъ, что, не взирая на сихъ многихъ боговъ, симъ отцемъ Эпической Поэзіи въ дѣйствіе приведенныхъ, онъ самъ признаетъ токмо единаго высочайшаго бога *сего Зевса, сего Юпитера, отца боговъ и человѣковъ, коего власти ничто не противустанетъ.*

Однако самъ Гомеръ не признаетъ Юпитера предвѣчнымъ; онъ почитаетъ его сыномъ Сатурна (Времени), низверженнаго симъ самымъ сыномъ его вмѣстѣ съ Титанами въ глубочайшія бездны, подъ землею и водами существующія.

Гезіодъ описываетъ Время сыномъ Неба и Земли, соединенныхъ Амуромъ, образовавшимъ Хаосъ.

Такимъ образомъ восходя постепенно къ познанію Предвѣчнаго Существа, необходимаго и Творца всего существующаго, древніе Поэты созерцаютъ многія поколѣнія въ властвованіи своихъ боговъ, слѣдовавшихъ въ правленіи народовъ такъ, что каждое поколѣніе принадлежитъ къ единому нача-

лу, находящемуся въ высочайшемъ владыкѣ, державствующемъ надъ безсмертными, принимающими отъ него свои должности и почести.

Ближайшее чувствованіе бытія нашего и способностей открываетъ намъ только существованіе души нашей. Мы разсуждаемъ о существахъ по аналогіи сами съ собою. Отъ сего имѣемъ мы естественную наклонность придавать жизнь даже неодушевленнымъ существамъ и приписывать имъ образъ бытія, подобнаго нашему. Обыкновенное нарѣчіе, наши нравы, наши постановленія, а всего болѣе богослуженіе дикихъ народовъ представляетъ намъ безчисленныя доказательства сей истины.

Гезіодъ изъ иносказанія Физическихъ дѣйствій и Моральныхъ существъ представляетъ намъ Геніи сихъ боговъ второстепенныхъ, коими населяетъ онъ небо, землю, море, адъ.

Дабы ограничиться нѣкоторыми примѣрами, то сей Юпитеръ, который обитаетъ на Олимпѣ, по выраженію Цицерона (*) есть тотъ самый Эѳиръ, сія *величе-*

(*) О естествѣ боговъ.

ственная твердь, которая сіяетъ надъ главами нашими.

Юнона есть тотъ влажный воздухъ, который насъ окружаетъ.

Феномены, произходившіе отъ смѣшенія эѳира съ разными частицами вещества, представлены намъ частыми любовными забавами повелителя боговъ.

Наконецъ сія Венера, призываемая ученикомъ Эпикура, Лукреціемъ при первыхъ стихахъ поэмы своей, есть тотъ животворный духъ, который дѣйствуетъ надъ веществомъ: ибо люди всѣхъ временъ приступали къ непреодолимой преградѣ, окружающей безконечнаго.

Въ приложенномъ введеніи къ Одиссеи объяснена та утѣшительная мораль, которую Гомеръ вЪ сей Поэмѣ приводитъ въ дѣйствіе.

"Сколь тогда неправосудны смертные
"(восклицаетъ Юпитеръ), когда они при-
"писываютъ намъ тѣ бѣдствія, которыя
"своими злодѣяніями сами на себя навле-
"каютъ!"—

Гезіодъ предполагаетъ два рода Геніевъ: одни творцы добра, другіе зла.

Отъ сего: то сраженіе Титановъ съ повелителемъ боговъ, тотъ огнь, который Прометей похищаетъ изъ небеснаго свода, та Пандора, которая изливаетъ бѣдствія на землю и представляетъ смертнымъ тщетную надежду, тѣ пять временъ свѣта, въ которыя люди отъ взаимнаго сообщенія унизили свое достоинство; наконецъ тѣ мудрецы золотаго вѣка, которые помѣщены были въ число боговъ, которые покровительствуютъ людей и назираютъ за поступками ихъ.

Я не буду разпространяться въ изъясненіи всѣхъ сихъ иносказаній. Нѣкоторыя изъ нихъ объясняются сами собою, а другіе знаменитыми учеными были изтолкованы. Для меня довольно, что я открылъ ключь къ вымысламъ, разбросаннымъ въ Поэмахъ Гезіода и особенно въ Ѳеогоніи, или родословіи боговъ.

Любезному другу,

Платону Петровичу

Бекетову.

Любезный другъ!

Благоснисходительная дружба ваша преклонила васъ предать тисненію переводы мои Пиндара и Сафы, кои бы безъ васъ, можетъ статься, остались во мракѣ забвенія, яко произведенія весьма несовершенныя. Онажъ конечно и заставила васъ ихъ одобрить. Во изъявленіе сердечной моей вамъ благодарности, посвящаю имени вашему переводъ мой твореній Гезіода. Принятіе онаго будетъ мнѣ новымъ удостовѣреніемъ вашей неоцѣненной для меня дружбы, коей безчисленные опыты вы мнѣ изъявили. Будьте и вы удостовѣрены въ неизмѣнныхъ чувствахъ приверженности, любви и дружбы,

Преданнаго вамъ

Павла Г. Кутузова.

ТВОРЕНІЯ ГЕЗІОДА.

РАБОТЫ.

О музы! на горѣ Піерріи живущи,
Божественнымъ пѣвцамъ безсмертный лавръ дающи!
Подайте помощь мнѣ къ стяжанію вѣнца;
Прославьте вашего гремящаго отца,
Бросающаго въ даль свои парящи стрѣлы,
Избравшаго себѣ превыше звѣздъ предѣлы,
Имущаго въ своей рукѣ всесильну власть
Возвысить смертнаго, иль дать презрѣнну часть.
По всемогущему судебъ его уставу
Опредѣляетъ онъ живущимъ стыдъ иль славу:

Гремѣвши имена забвенью предаетъ,
Другихъ изъ мрака онъ къ сіянію зоветъ.
Шагами слабыми идущихъ подкрѣпляетъ,
Самонадежнаго всей крѣпости лишаетъ.
Зевесъ! ты видящій, земныхъ сыновъ труды,
Внуши имъ правыя о всѣхъ вещахъ суды!
Внемли, Персей, внемли, когда я лиру строю,
Я истинну тебѣ великую открою.

Есть ревность въ мірѣ семъ, достойная хвалы,
Другая напротивъ достойная хулы:
Одна вредна для всѣхъ, раздоры пораждаетъ
И злую ненависть во смертныхъ поселяетъ;
Но люди нуждою къ тому привлечены,
Велѣніемъ боговъ они осуждены
Да ей смиренное приносятъ поклоненье:
Та ревность мрачная, есть ночи порожденье,
Отецъ боговъ ее съ высотъ небесъ изгналъ;
На землю и во адъ онъ жить ее послалъ,
Да смертнымъ всѣмъ она мученье приключаетъ.
Другая ревность есть, которa возбуждаетъ
Лѣниваго къ трудамъ, чтобъ потомъ лобъ смоча,
И въ изобиліи встрѣчая богача,
Спѣшилъ пахать, садить, умножить достоянье.
Сосѣди чувствуя въ себѣ поревнованье,
Другъ друга превзойти стараются въ трудахъ;
И такъ обиліе раждается въ домахъ.
Такая ревность есть для смертнаго полезна:
Она источникъ благъ, она богамъ любезна.

Запечатлѣй, Персей! слова мои въ твой умъ,
Да зависть вредная, раждающая шумъ,

Не отвратитъ тебя отъ добрыхъ упражненій,
Чтобъ слышать тщетный звукъ раздоровъ, тяжбы, преній!
Не долженъ въ спорахъ тотъ участія имѣть,
Кому о житницахъ судьба велитъ радѣть,
Когда онѣ стоятъ какъ мрачныя пещеры
И не исполнены еще даровъ Цереры.
Но кто съ избытками доволенъ, пресыщенъ,
Къ обидѣ ближняго тотъ завистью влеченъ.
Не будемъ мы питать толь алчное желанье,
Мы мирно сотворимъ всей тяжбѣ окончанье:
Безцѣнньй всѣхъ даровъ миръ, дружба и покой.
Когда дѣлили мы наслѣдіе съ тобой,
Судьи подкуплены тобой въ то время были,
И частію тебя богатой наградили.
Нещастные! они не вѣдаютъ тово,
Что лучше мала часть имущества всево;
Что сила божеской всемощныя десницы
Скрываетъ блага намъ въ травахъ, въ сосцахъ телицы.
Когдабъ достаточенъ былъ день одинъ работъ,
Чтобъ пищу смертному подать на цѣлый годъ;
Тогда бы корабля оставилъ онъ кормило,
Ярмо его воловъ коней бы не тягчило;
Но Промееевымъ обманомъ разъяренъ,
Зевесъ напасти въ міръ послать былъ принужденъ.
Стремяся обольстить отца боговъ вторично,
Яфетовъ сынъ свершилъ желанье не обычно:
Пренебрегая власть Зевеса и законъ,
Съ небесной высоты огонь похитилъ онъ,
Вложилъ его въ сосудъ, и смертнымъ сообщаетъ;
Разгнѣванный Зевесъ, грозя ему, вѣщаетъ:

"Яфетовъ хитрый сынъ! похитя огнь съ небесъ,
"Ты смертнымъ думаешь, великій, даръ принесъ;
"Ты мнишь блаженнымъ быть; но нѣтъ, чрезъ вѣроломство
"Ты казнь и на себя навлекъ, и на потомство!
"Пребудетъ огнь у нихъ, но я имъ зло пошлю,
"И къ злу сему любовь въ нихъ сильну поселю
"То зло прельститъ людей; но часть доставитъ слезну,
"И скоро повлечетъ въ ужаснѣйшую бездну."

Такъ рекъ, и положилъ тогда отецъ боговъ
Для смертныхъ учредить опасный, скрытый ковъ.
Немедленно даетъ Вулкану повелѣнье,
Чтобы содѣлалъ онъ земли съ водой смѣшенье,
Потомъ бы изъ того устроилъ истуканъ
И человѣческій ему далъ голосъ, станъ;
Чтобъ члены съ женщиной во всемъ имѣли сходство,
Чтобъ онъ имѣлъ богинь пріятность, благородство;
Содѣлалъ, чтобъ сей зракъ красою Нимфъ блисталъ,
Чтобъ взоръ его во всѣхъ сердцахъ любовь раждалъ;
Минервѣ повелѣлъ со тщаніемъ прилѣжнымъ
Ту нову тварь учить искуствамъ женскимъ нѣжнымъ:
Какъ ткани шелковой пріятный видъ придать
Какъ тонко полотно перстами оживлять.
Венеръ далъ Зевесъ другое приказанье
Чтобъ прелестей въ нее влила очарованье

Желанья сластныя въ ее горящій взоръ,
Съ искуствомъ устроятъ плѣняющій уборъ;
Меркурій долженъ былъ ей дать безстыдства краски
И сладострастія обманчивыя ласки.

Свершаютъ боги всѣ, отца боговъ уставъ,
И землю красную Вулканъ съ водой смѣшавъ
Богиню изъ сего смѣшенья составляетъ;
Минерва ей покровъ блѣстящій надѣваетъ;
Венера, Граціи со прелестью своей
Съ застежками даютъ златыя кольцы ей;
Минерва важностью богиню надѣляетъ;
Меркурій сладку рѣчь и хитрости влагаетъ;
Пандоры твари сей названіе даетъ,
За тѣмъ что отъ нее постраждетъ цѣлый свѣтъ.
Устроя сѣть сію, Зевесъ доволенъ ею,
Онъ шлетъ съ Меркуріемъ ее къ Епименею.
Епименей забылъ родительскій приказъ,
Хотя онъ повторенъ ему былъ много разъ.
"Не принимай даровъ посланныхъ отъ Зевеса,
"Они суть вредная, прелестная завеса,
"Подъ коей много бѣдъ сокрыто для людей.
Но всѣ сіи слова забылъ Епименей,
Изъ рукъ Меркурія Пандору принимаетъ;
Тогда на землю зло рѣкою притекаетъ;
Не зная старости, ни скорби, ни работъ
Родъ человѣческій жилъ мирно, безъ заботъ,
Теперь же человѣкъ едва на свѣтъ родится
Уже онъ старостью, болѣзнями тягчится.

Пандора золъ сосудъ отъ Зевса приняла
И крышку бѣдственну едва съ него сняла,

Какъ ядъ скорбей и бѣдъ оттолѣ испарился
И на поверхности земли распространился.
Единое добро скрывалося на днѣ,
Надежда сладкая къ покою, къ тишинѣ,
Сосуда на краю сего остановилась,
Когда его закрыть Пандора торопилась.
Осталася одна надежда для людей
Среди безчисленныхъ напастей и скорбей,
Которыми земля наполнена и воды
Какъ днемъ, такъ и въ ночи болѣзней разны роды
На смертныхъ ополчась ихъ мучатъ всякой часъ.
Зевесу жалобъ ихъ не слышенъ больше гласъ.
Такъ тщетно человѣкъ труды употребляетъ,
Коль хитростью прельстить отца боговъ желаетъ.

Коль алчетъ истинны Персей душа твоя,
Другія таинства тебѣ открою я,
Внемли и истинны теперь познаешь многи:
Когда родилися и смертные и боги.
Когда Сатурнъ владѣлъ эфирною страной,
Былъ посланъ отъ боговъ на землю вѣкъ златой,
Въ то время смертные безъ скорби, безъ печали,
Безъ нуждъ и безъ работъ дни сладки провождали
Земля была для нихъ пріятный, свѣтлый рай,
Безъ непогодъ, всегда сіялъ цвѣтущій Май,
Болѣзни съ старостью имъ были не извѣстны,
Вкушали въ дряхлости веселія прелѣстны
И смерть для нихъ была одинъ пріятный сонъ,
Земля давала плодъ безъ тщаній, безъ препонъ
Отъ изобилія въ нихъ зависть не раждалась,
Отъ мирной жизни ихъ вся скука удалялась.

Со времяни когда земля сокрыла прахъ
Правдивыхъ, первенцевъ пожившихъ въ сихъ странахъ
Ихъ тѣни мирныя одѣты облаками
Всегда летающи надъ стогнами, полями,
Какъ благодѣтели, хранители людей
Зевесомъ въ пользу ихъ, имъ избраны въ судей
Награду для благихъ, злымъ казнь, рѣшитъ ихъ воля
Такая царская назначена имъ доля.

По первомъ родѣ семъ исполненномъ добротъ
Былъ созданъ отъ боговъ вторый, но низшій родъ.
Тутъ время началось серебрянаго вѣка
Умомъ и тѣломъ въ немъ узрѣли человѣка,
Слабѣйшимъ нежели въ златомъ онъ вѣкѣ былъ;
Дитя близь матери сто лѣтъ смиренно жилъ,
Воспитывать его сто лѣтъ она трудилась;
Но съ симъ и жизнь людей чрезмѣрно сократилась
Едва являлся пухъ у нихъ на бородѣ,
Едва цвѣтущихъ дней сближаются къ средѣ,
Какъ бѣдства, буйствъ ихъ плодъ, ихъ жизнь отягощали,
А средствъ ихъ отвратить они не обрѣтали.
Они пренебрегли сбираться по домамъ
Для совершенія служенія богамъ.
Забыли древнее свое обыкновенье,
Творить на олтаряхъ животныхъ заколенье.
Сатурнъ разгнѣванный, направилъ грозну мѣсть
Къ забывшимъ отдавать безсмертнымъ должну честь.

Онъ ихъ во мрачныя гробницы заключаетъ,
Но съ тѣхъ времянъ, какъ ихъ въ себѣ земля скрываетъ
Лучами свѣтлыми они окружены,
Блаженными они изъ смертныхъ почтены.

Юпитеръ третій вѣкъ на землю производитъ.
Сей вѣкъ на сребряный ни мало не походитъ;
По всѣмъ дѣламъ его гораздо ниже сталъ,
Внезапно у людей огнь бранный воспылалъ.
Копье содѣлалось орудьемъ игръ кровавыхъ,
Возсталъ раздоръ, и Марсъ предсталъ въ бояхъ неправыхъ.
Раздался стонъ и плачь, вездѣ грозитъ бѣда,
Имъ пищей стала кровь, душа какъ сталь тверда,
Не знаютъ жалости, ихъ злость неумолима,
Безмѣрна сила ихъ, рука непобѣдима,
Оружье мѣдное и домы мѣдны ихъ,
Во злобѣ, яростіи, одни губятъ другихъ;
Ихъ битвы грозныя, убійства и коварство
Наполнили тѣньми Плутона мрачно царство.
Изчезло имя ихъ съ земли какъ быстра мгла,
Немилосерда смерть надъ ними верьхъ взяла.
Гиганты грозные лежатъ предъ ней толпами
И солнце болѣе не грѣетъ ихъ лучами.

Когда сей родъ изчезъ, тогда Сатурновъ сынъ
Ко исполненію невѣдомыхъ судьбинъ
Воздвигъ родъ праведный, божественное, племя
Героевъ, доблестью блиставшихъ въ древне время.

Сей родъ дотолѣ былъ разсѣянъ на земли;
Война, кровавый бой, имъ гибель нанесли
У седмивратнаго одни погибли града
Когда Эдипова дѣлили части стада.
Другіе бѣдствіямъ ужаснымъ предались
И въ царствѣ Кадмовомъ на вѣки погреблись.
Иные презрѣвши морскихъ погодъ премѣны
Для возвращенія отъятыя Елены
Иль пали отъ меча подъ Троей на бояхъ,
Иль гробъ себѣ нашли въ ярящихся волнахъ.
Зевесъ на небесахъ имъ жить не позволяетъ,
Въ предѣлы узкіе земли ихъ заключаетъ;
Въ щастливыхъ островахъ Сатурнъ царемъ имъ данъ.
Тѣ земли окроплялъ водою Океанъ.
Награда праведнымъ, селеніе пріятно,
Гдѣ въ годъ цвѣты, плоды бываютъ троекратно.

Сколь былъ бы я щастливъ, когдабъ я былъ рожденъ
По истеченіи ужасныхъ тѣхъ временъ,
Которы описать перо мое стремится,
Мнѣ легче было бы къ Плутону въ царство скрыться
Чемъ въ пятомъ родѣ семъ средь злобныхъ жить людей,
Когда не вижу я себѣ спокойныхъ дней,
Когда терзаемся мы въ сей юдоли слезной
Въ бѣдахъ, которы намъ принесъ сей вѣкъ желѣзной.
Тягчится человѣкъ заботой и трудомъ.
Хотъ въ жизни сей и зло смѣшалося съ добромъ;
Но Зевсовой рукой родъ злобный сокрушится.
Сѣдѣетъ человѣкъ едва лишь въ міръ родится

Ко гробу скорыми шагами онъ идетъ;
Съ отцами у дѣтей нимало сходства нѣтъ.
Однихъ противъ другихъ раздоръ вооружаетъ,
Взаимно погубить другъ друга всякъ желаетъ,
И дѣти самые ругаются отцамъ,
Забывъ родившихъ ихъ смѣются и богамъ,
За воспитаніе творятъ одни досады,
Взаимно возстаютъ на брань цвѣтущи грады
Забвенна истинна и клятвы долгъ забытъ,
Неистовство въ чести, изчезъ смиренный стыдъ.
Злодѣй правдиваго невинно притѣсняетъ,
Лютѣйша клевета ядъ вредный проливаетъ,
Грызенье совѣсти пріявши свой покровъ
Отъ человѣческихъ сокрылося сыновъ
Стыдливость вкупѣ съ нимъ отъ міра улетаетъ,
Его на казнь бѣдамъ и скорбямъ оставляетъ.
Теперь хочу сказать я баснь царямъ земнымъ,
При всей ихъ мудрости, она полезна имъ.

Злой коршунъ возлеталъ, до облака взвивался
И крѣпко соловья въ кривыхъ когтяхъ держалъ,
Нещастный соловей стѣналъ, вопилъ, терзался,
Тиранъ безъ жалости давя его сказалъ:
"Нещастливый! твои роптанія напрасны,
"Какъ можешъ силою сравниться ты со мной
"Ты не избавишься чрезъ пѣсни сладкогласны
"Куда я вздумаю помчу тебя съ собой,
"Иль пищей будешь мнѣ, иль дамъ тебѣ я волю;
"Кто съ сильнымъ борется, безуменъ тотъ всегда;
"Нещастную имѣть конечно будетъ долю
"И будетъ добычей болѣзни и стыда."

Ширококрылая такъ птица разсуждала,
Которая съ легкостью и силу съединяла.

Персей! храни законъ и шествуй правдѣ въ слѣдъ:
Обида, множество рождаетъ смертныхъ бѣдъ
И мудрый отъ ее жестокости стѣсненный
Хотя и терпѣливъ, но сей покой мгновенный.
Блаженъ, кто правою стезей всегда идетъ!
И раноль, поздно ли, но правда верхъ возметъ.
Но сколь безуменъ тотъ, кто къ правдѣ обратится
Бѣдами, въ коихъ онъ своей виной томится.

Путь истинны суровъ, опасенъ, труденъ, строгъ,
Но злобу поразитъ отмститель нѣкій богъ,
Казнитъ онъ презрѣвшихъ Ѳемидины уставы,
Изрѣкшихъ за дары сужденія неправы,
Подъ облакомъ густымъ стѣнящая въ слезахъ
Ѳемида странствуетъ въ различныхъ городахъ
И проситъ у боговъ противу тѣхъ отмщенья,
Которые ее забыли повелѣнья.
Блаженъ, кто правый судъ для всѣхъ равно творитъ,
Кто сталъ и согражданъ и странныхъ твердый щитъ,
Благословенье тотъ на гробъ свой привлекаетъ,
Щастливъ его народъ и гробъ сей процвѣтаетъ.
Источникъ многихъ благъ, любезна тишина,
Творитъ, что небесамъ подобна та страна,
Зевесъ не впуститъ къ ней ни сваръ, ни битвъ кровавыхъ,
Отъ глада и обидъ хранитъ мужей онъ правыхъ.

Пиры ихъ радостны, обильна ихъ земля.
Цвѣтутъ верьхи ихъ, горъ блаженствуютъ поля,
Ихъ пчелы множатся, стада ихъ сильны, тучны;
Супруги въ чистотѣ живутъ благополучны,
Богаты домы ихъ, не нужны корабли.
Сокровища они пріемлютъ отъ земли,
Зевесъ, объемлющій вселенну быстрымъ взоромъ,
Казнитъ неистовство правдивымъ приговоромъ:
И за единаго страдаетъ цѣлый градъ,
Онъ наказуется чрезъ язву, или гладъ
Уставъ судебъ творитъ всѣ бѣдствія народны:
Пустѣютъ домы ихъ, супруги ихъ безплодны,
Разбито воинство и нѣтъ въ землѣ плода
Ихъ стѣны падаютъ и гибнутъ ихъ суда.

Размыслите о семъ цари! земные боги!
Суды Зевесовы сколь правы, столь и строги,
Безсмертные съ небесъ дѣянья смертныхъ зрятъ;
Злодѣя, хитрости отъ бѣдъ не оградятъ;
Три тысячи боговъ покрытыхъ облаками
Имѣютъ бдѣніе надъ нашими дѣлами.
Они являются во всѣхъ земли концахъ,
И ложь и истинну сугубо зрятъ въ сердцахъ.
Святая истинна есть дѣва несравненна,
Она Зевеса дщерь, отъ всѣхъ боговъ почтенна;
Коль кто въ обиду ей предался злымъ дѣламъ,
То падаетъ она къ Зевесовымъ ногамъ
Смиренны жалобы отцу боговъ приноситъ
На оскорбителей его отмщенья проситъ,
Тогда на тотъ народъ стекаются бѣды,
Надъ коимъ царь творитъ неправые суды.

О вы, прельщенные корыстью и дарами!
Побойтеся боговъ, они судьи надъ вами
Оставьте гибельны, неправедны пути,
Старайтесь истинны прямой стезей итти;
Кто ближнимъ зло творитъ, тотъ самъ бываетъ бѣднымъ,
Дающимъ, злый совѣтъ всегда бываетъ вреднымъ.
Юпитеръ вѣдаетъ, что мыслитъ человѣкъ,
Отъ глазъ его ничто не скроется во вѣкъ.
Вотще обманчивой себя надеждой льстите,
Что въ тайнѣ и въ стѣнахъ всѣ злобы заключите,
Людей прельстите вы, но самый скрытный ковъ
Не скроется отъ глазъ правителя боговъ;
Посѣялось у васъ сужденье тщетно, лживо,
Что злобнымъ должно быть, дабы прожить щастливо:
Но сходноль съ разумомъ, чтобъ строгій грома богъ
Успѣхи потерпѣть неистовыхъ возмогъ.

Персей! когда тебѣ тѣ истинны любезны,
Запечатлей въ умѣ слова мои полезны;
Внемли ты истиннѣ, насиліе забудь,
Законъ боговъ велитъ хранить правдивый путь;
Животнымъ свойственны обиды и раздоры
Лишенны разума, они ко злобѣ скоры,
Удобенъ токмо звѣрь, иль рыба водъ морскихъ
Другъ друга пожирать, но правда не для нихъ;
Зевесъ опредѣлилъ ее съ начала вѣка,
Да будетъ частію благою человѣка.
Блаженъ! стократъ блаженъ! кто истинну познавъ,

Во всѣхъ дѣлахъ своихъ блюдетъ ее уставъ.
Отецъ боговъ, судя дѣянія земныя,
Пошлетъ на домъ его безчисленны благія.
Ктожъ, зная истинну, измѣну ей творитъ,
Кто ложну клятву давъ, неправду говоритъ,
И правосудія законы преступаетъ;
Тотъ раны самъ себѣ жестоки прилагаетъ,
Въ забвеніе его потомство упадетъ:
Но родъ правдиваго во вѣки процвѣтетъ.
Заблуждшійся Персей! внемли совѣтамъ брата,
Не трудно смертному попасть на путь разврата,
Могущаго намъ всѣ неистовства вдохнуть;
Но добродѣтели тяжелъ и узокъ путь.
Безсмертны боги такъ отъ вѣка предписали,
Чтобъ имъ идущіе, трудились и страдали:
Но для достигшаго на самый верьхъ доброть,
Путь будетъ столь легокъ, колико труденъ входъ.
Тотъ мудръ во истинну, кто все чрезъ опытъ знаетъ,
И кто, начавъ дѣла, на ихъ конецъ взираетъ;
Кто увѣщанія пріемлетъ отъ друзей,
Кто слышитъ правды гласъ и въ пылкости своей;
Но тотъ младенецъ есть и въ самы зрѣлы лѣты,
Кто тщится отвергать полезные совѣты.

Персей! прими мои — ты отрасль отъ боговъ,
Потщися бдѣніемъ, прилѣжностью трудовъ
Неплодность отвратить и гладъ съ бѣдами злыми,
Наполни житницы колосьями златыми,

Лѣнивымъ идутъ въ слѣдъ всѣ нужды по стопамъ,
Они противны суть и смертнымъ и богамъ,
И сходны съ шершнями они всегда бываютъ,
Которы не трудясь пчелиный медъ съѣдаютъ.
Въ трудахъ полезнѣйшихъ ты щастье полагай,
И лѣтомъ закромы плодами наполняй.
Трудъ, корень есть богатствъ, стадамъ, полямъ полезенъ,
Трудящійся богамъ и смертнымъ всѣмъ любезенъ;
Жизнь нерадиваго для ближнихъ не нужна,
Почтенна дѣйственность, бездѣйственность гнусна;
Обиліе другихъ несносно для лѣнивыхъ,
Они завидуютъ судьбѣ трудолюбивыхъ:
Но слава есть всегда награда доброты;
Будь добръ, тогда богамъ подобенъ будешь ты,
Безъ зависти смотри на всѣ богатства чужды,
Трудами огради себя отъ всякой нужды.

Сопутникъ бѣдности есть нѣкій ложный стыдъ,
Стыдливость ложная безъ нужды тяготитъ,
Другая напротивъ къ работѣ ободряетъ,
Страхъ бѣдности чрезъ трудъ, богатство порождаетъ
Любостяжаніе тебя да не прельститъ,
Едино прочно то, что небо намъ даритъ.
Насильствомъ, хитростью, стяжанное богатство
Не твердо, и оно мгновенное пріятство,
Которое прейдетъ, разсѣется какъ дымъ;
Безсмертны не даютъ успѣховъ твердыхъ злымъ.

Неправеднаго домъ недолго процвѣтаетъ,
И вскорѣ блескъ его сіянья изчезаетъ;
Кто гласу страждущихъ не внемлетъ и сиротъ,
Кто страннымъ заграждать въ свой домъ стремится входъ,
Прелюбодѣямъ тотъ жестокостью подобенъ
И чувствовать въ добрѣ пріятства не способенъ:
Становится тому злодѣю онъ равенъ,
Не чтящему отца, которымъ онъ рожденъ
И поносящему въ немъ старость дерзновенно,
Когда его чело ко гробу преклоненно;
Зевесъ гнушается жестокихъ сихъ сердецъ,
Нещастливъ завсегда бываетъ ихъ конецъ,
Зевесъ караетъ ихъ за ихъ ожесточенье,
Блюдись и не входи въ такое преступленье!

Ты жертвы приносить богамъ не забывай,
Въ сердечной простотѣ ихъ въ помощь призывай,
Руками чистыми въ обѣтахъ доброхотныхъ,
Во храмахъ закалай тучнѣйшихъ ты животныхъ,
Всѣ возліянія потребныя твори,
Цвѣтами украшай, священны олтари;
Молись, когда ко сну наклонность ощущаешь,
Молись, когда глаза по утру открываешь,
Да сердце чистое они тебѣ дадутъ,
Да въ духъ твой истинну и радость проліютъ.
Коль будешь дѣйствовать толь чисто, не порочно,
То щастіе твое во вѣки будетъ прочно:
На пиршества твои друзей всегда зови,
Когда сосѣдъ твой добръ, согласно съ нимъ живи;

Коль нужда въ помощи, когда тебѣ случится,
Тогда и не одѣтъ сосѣдъ къ тебѣ явится;
А родственникъ иной, пропратитъ въ сборахъ часъ,
Дурный сосѣдъ есть бичь, спастъ добрый можетъ насъ;
Сосѣдство доброе есть даръ богами данный,
Отъ злова можетъ быть убытокъ безпрестанный.

Коль долженъ будешь ты сосѣду своему,
То съ вѣрностью отдай заятое ему,
Не отрѣкись ему содѣлать одолженье,
Чтобъ послѣ отъ него имѣлъ ты вспоможенье;
Блюдись неправедно имѣніе стяжать,
Отнятое опять ты можешь потерять,
Дающему тебѣ давай и будь въ томъ вѣрнымъ,
А за отказъ плати отказомъ равномѣрнымъ;
Коль любитъ кто тебя, ты самъ люби того,
Но кто тебя презрѣлъ, то презри самъ его.
Щедрота сладостна, грабежъ поносенъ, вреденъ
Ему предавшійся умретъ презрѣнъ и бѣденъ,
Дающій искренно съ охотною душой,
Имѣетъ радостно возмездіе съ собой.
Отъявшій чуждое неправедно имѣнье,
Возчувствуетъ всегда внутри себя грызенье.
Ни злато, ни сребро, покоя не даритъ,
Коль совѣсть нѣкую укору намъ творитъ.
По малу собирай, чтобъ многое составить,
Излишествъ убѣгай, чтобъ нуждъ себя избавить;
Что въ домѣ заперто, о томъ заботы нѣтъ,
Что брошено въ дверяхъ, убытокъ нанесетъ.
Имуществомъ своимъ пріятно наслаждаться!

Но горестный всего въ потребностяхъ нуждаться.
Внемли сей истинѣ Персей ! и пей вино,
Которо въ начатомъ сосудѣ вмѣщено ;
То щедро подноси, котораго ужъ мало,
Средины береги, тебѣ бы стыдно стало,
Когда бы ты жалѣлъ того, что близко дна.
Для друга не щади ты добраго вина.
Бѣри свидѣтелей, когда во что играешь,
Чрезъ то ты самъ себя отъ ссоры ограждаешь;
Лукавой женщиной блюдися быть прельщенъ,
Отъ словъ ея твой слухъ да будетъ загражденъ,
Будь нечувствителенъ къ ея ласканьямъ нѣжнымъ,
Рабъ похоти ни въ чемъ не можетъ быть надежнымъ.

Да сынъ единый твой домъ отческій блюдетъ
Да онъ со бдѣніемъ стада твои пасетъ,
Тогда умножатся богатства непримѣтно,
Умри отъ старости, поживши многолѣтно,
Да съ братомъ сынъ твое имѣнье раздѣлитъ ;
Большимъ семьямъ Зевесъ сокровища даритъ.
Отъ множества дѣтей орагай богатѣетъ,
Но больше отъ того заботы онъ имѣетъ :
Коль хочешь быть богатъ, совѣтамъ симъ внимай,
Въ удобны времена работы учреждай.

Ты жатву начинай къ стяжанію награды,
Когда на горизонтѣ появятся Плеяды,
Начни пахать, когда не видно ихъ лучей,

Начни пахать, когда не видно ихъ лучей,
Сокрытыми они бываютъ сорокъ дней,
И столько же ночей не видно ихъ глазами;
Потомъ какъ издали, блистающи лучами,
Являются, когда къ концу приходитъ годъ;
Тогда точи свой серпъ къ началію работъ.
Живущихъ на горахъ, на острыхъ ихъ вершинахъ,
Въ поляхъ, на ровнинѣ, въ лѣсахъ или въ долинахъ,
Въ близи морскихъ береговъ или въ дали отъ нихъ,
Всѣмъ общій есть законъ въ работахъ земляныхъ,
Законъ единственный, незыблемый, священный,
Самой природою ко благу учрежденный,
И сей законъ велитъ одѣжду отметать,
Когда начнешь поля и нивы засѣвать,
Или когда воловъ предъ плугомъ понуждаешь,
Или когда съ серпомъ ко жатвѣ приступаешь,
Церерины дары въ удобны времена
Сбирай, когда уже созрѣлость въ нихъ видна,
Иль будешь принужденъ скитаться въ домы чужды,
И жить, какъ у меня теперь живешь отъ нужды:
Но болѣ впредь не жди ты помощи моей,
Работай тщательно, несмысленный Персей,
Такъ смертнымъ велѣно богами и судьбою,
Иль будешь принужденъ съ дѣтьми, съ твоей женою
Передъ сосѣдями и ползать и стенать,
Имъ нужды горестны семейства представлять;
Сперва тебѣ дадутъ, быть можетъ и двукратно,
Потомъ твое лицо имъ станетъ непріятно,

Ты будешь въ тягость имъ, и звукъ твоихъ рѣчей
Тогда покажется бичемъ для ихъ ушей.
Не нужно много словъ, — долги платишь пекися:
Тогда ни голода, ни нужды не страшися.

Старайся домъ себѣ спокойный пріобрѣсть,
Рабу сыщи, чтобъ всѣ труды въ хозяйствѣ несть,
Пекися о быкахъ, чтобъ были всѣ здоровы,
И къ хлѣбопашеству орудія готовы,
Чтобъ нужныхъ сихъ вещей нигдѣ не занимать:
Легко сосѣдъ тебѣ въ нихъ можетъ отказать,
Безъ нихъ пропустишь ты удобно года время
И можешь понести всѣхъ бѣдъ лютѣйше бремя.

До завтра отлагать дѣла, наноситъ вредъ,
Лѣнивый въ житницу сѣменъ не соберетъ!
Едина дѣйственность плоды пріумножаетъ,
Лѣнивый же всегда наказаннымъ бываетъ.
Какъ лѣтніе жары престанутъ жечь эфиръ
И солнце слабыми лучами грѣетъ міръ,
Когда въ работахъ потъ всѣхъ силъ не истощаетъ,
Когда осенній дождь весь воздухъ прохлаждаетъ:
Колико для людей сіи пріятны дни,
Проворны и легки становятся они.

Въ то время Сиріусъ лучи уже скрываетъ,
Не столько надъ главой онъ смертныхъ пребываетъ,
Въ то время долѣ ночь и больше темноты,
Въ древахъ густѣетъ сокъ и падаютъ листы,
Тогда къ издѣліямъ уже древа удобны,
Къ срубленію они и мягки и способны:

Тогда-то есть пора древа съ корней срубать
И къ хлѣбопашеству орудія сбирать.
На сохи, бороны, ярмы, лопаты, плуги
Деревья ты возьми сухія, крѣпки, шуги,
Чтобъ гнилость, мокрота не такъ могли вредить,
Чтобъ долго для работъ они могли служить;
И такъ орудія на все содѣлавъ прочны
Получишь за труды плоды вѣрнѣйши, точны.

Лѣтъ въ девять крѣпкихъ двухъ купи себѣ воловъ,
Сихъ лѣтъ они всегда способнѣй для трудовъ,
Не столько горячи они тогда бываютъ,
Работу совершатъ и плуга не сломаютъ.
За ними въ сорокъ лѣтъ, чтобъ рабъ усердный шелъ,
Въ четыре фунта хлѣбъ чтобъ онъ съ собой имѣлъ,
Чтобъ онъ съ прилѣжностью работой занимался,
Чтобы онъ въ стороны отнюдъ не озирался,
Работникъ юныхъ лѣтъ, не можетъ такъ пахать,
Не можетъ такъ равно онъ ниву засѣвать,
И юноши всегда разсѣянны бываютъ,
Товарищей догнать съ работы поспѣшаютъ.

Вниманье обращай къ полету журавля,
Онъ крикомъ возвѣститъ тебѣ, когда поля
Дождями смочатся, когда зима настанетъ,
Кто безъ быковъ тогда, въ такомъ надежда вянетъ;

Храни животныхъ сихъ и ими дорожи,
Хоть скажешь ты: *сосѣдъ, быками одолжи*,
Онъ будетъ отвѣчать, они теперь въ работѣ,
Причины новыя родятся тутъ къ заботѣ;
Ищи быковъ себѣ, поспѣшно дѣлай плугъ,
Но какъ ты не богатъ, не сдѣлаешь все вдругъ,
Для плуга одного работы много нужно,
Заранѣ начинай, когда тебѣ досужно.

Когда придетъ пора пахать, прилѣженъ будь
И также всѣхъ твоихъ къ прилѣжности принудь;
Сухую землю ты пройди равно сохами,
Какъ ту, которая смочилася водами.
Работай, упреждай ты солнечный восходъ,
Чтобъ въ житницы твои собрать обильный плодъ
И естьли хочешь ты, во всемъ успѣть надежно,
На землю обращай вниманіе прилѣжно,
Какъ лѣтомъ, такъ весной ее ты борони,
Чтобъ нужды не имѣть во всѣ грядущи дни;
Коль новую бразду засѣешь осторожно
Обильну жатву ты получишь непреложно
Молитвы чистыя Плутону приноси,
О зрѣлости сѣмянъ Цереру ты проси.

Начавъ пахать, когда берешь соху руками,
Когда подъемлешь бичь надъ сильными волами,
Младенца за собой съ лозою ты веди,
Чтобъ птицъ гоня, закрылъ онъ сѣмя назади.

Порядокъ для людей, есть благо драгоцѣнно,
А безпорядокъ зло изъ ада порожденно.
Когда отецъ боговъ твой трудъ благословитъ,
То жатвою тебя обильной наградитъ;

Всѣ класы возблестятъ, златясь лучами Феба;
Тогда уготовляй ты житницы для хлѣба.
Изъ оныхъ изгоняй зловредныхъ пауковъ.
Наполня житницы; на плодъ твоихъ трудовъ,
Съ какою радостью на тѣ богатства взглянешь,
Тогда уже весны ты ждать спокойно станешь.
Не будешь съ завистью на ближняго взирать,
Возможешь и другимъ ты бѣднымъ помогать:
Не естьли зимняго сольстиція дождешся,
И тутъ начнешь пахать, то много ошибешся,
Толь мало хлѣба, ты при жатвѣ соберешь,
Что весь его легко рукой одной возмешь;
Тогда неволею принудишся ты строго
Разбросанны класы сбирать хоть ихъ не много,
Симъ съ горести потомъ корзину нагрузишь,
Но жалости чрезъ то ни въ комъ не возбудишь.

Догадки часто намъ обманчивы и лестны,
Судьбы отца боговъ намъ мрачны, неизвѣстны;
Хоть поздно ты пахалъ случится иногда,
Что ты нечаянно избавишся вреда.

Въ то время какъ на дубъ кукушка возлетаетъ
И пѣніемъ весну пріятну возвѣщаетъ,
Коль три дни сряду дождь такой Зевесъ пошлетъ,
Которой у воловъ копытъ не обойметъ,
Такимъ дождемъ и тотъ, кто прожилъ въ нераденье
Съ прилѣжнымъ равное получитъ награжденье.
Всѣ правила сіи Персей въ умѣ блюди,
Прилѣжно примѣчай весну и всѣ дожди.

Когда уже зима со хладомъ наступаетъ,
И человѣку быть въ домахъ повелѣваетъ,
Безъ остановки ты бѣги отъ мѣста прочь,
Куда сбираются провѣсть въ развратѣ ночь.
Трудолюбивому и въ зиму нѣтъ препятства,
Онъ можетъ умножать при холодѣ богатства,
Снѣга и стужа насъ не должны принуждать
Къ роскошной лѣности, она всѣхъ бѣдствій мать.
Лѣнивой иногда лишается одежды
Питая тщетныя въ душѣ своей надежды;
Во вредны замыслы онъ можетъ попадать,
Но можноль бѣдному въ разпутствѣ щастья ждать?
Скажи своимъ рабамъ: "Изчезнетъ лѣто знойно,
"Отъ хлада сдѣлайте убѣжище спокойно,
"Блюдитесь вы себя предать на снѣдь снѣгамъ,
"Опасны хладны дни и людямъ и воламъ,
"Они ихъ здравіе по часту сокрушаютъ
"И бодру молодость, въ болѣзни повергаютъ."
Когда Борей простря на Югъ угрюмый взоръ
Подъявшійся съ вершинъ Ѳракійскихъ снѣжныхъ горъ,
На жидкой стихіи всѣ волны возмущаетъ,
То хладная земля трепещетъ и стенаетъ,
Ужасный свистъ его разносится въ лѣсахъ
И дубы корнемъ въ верхъ разбросанны въ поляхъ,
Паденія ихъ трескъ долины повторяютъ,
Пещеры мрачныя имъ рѣвомъ отвѣчаютъ,
И звѣри дикіе стоятъ оцѣпеневъ,
Хвостомъ не шевелятъ, открыть не смѣютъ зевъ.

На нихъ густѣетъ шерсть, но ихъ не согрѣваетъ,
Хладъ кожу на волахъ стрѣлами проницаетъ,
На длинные власы косматыхъ рѣзвыхъ козъ
Сѣдые инеи уже нанесъ морозъ,
При мягкой ихъ волнѣ всѣ овцы леденѣя
Не ограждаются отъ лютости Борея;
У старцовъ хладъ ихъ лѣтъ сугубится въ крови
И Нимфа юная незнающа любви
Моглабы ощутить болѣзни въ нѣжныхъ членахъ,
Когдабъ она зимой при бурныхъ перемѣнахъ
Не оставалася близь матери въ дому,
Когда бы не пеклась, чтобъ тѣлу своему
Чрезъ бани возвращать пріятность съ чистотою
И благовонною кропя себя водою,
Потомъ пріятну сну предаться въ теплотѣ;
Радѣя и зимой о здравьѣ, красотѣ,
Такъ можетъ сохранить она всю силу, крѣпость
И ей не повредитъ Бореева свирѣпость.
Полипъ въ убѣжищахъ питанія лишенъ
И самъ себя снѣдать отъ хлада принужденъ;
Когда же Фебъ отъ насъ лучи свои скрываетъ,
То веси и града онъ Негровъ посѣщаетъ:
Тогда надъ Греціей лучи его скользятъ
И будто притупясь сей самы жаръ даритъ,
Тогда возчувствовавъ зимы порывы хладны,
Олени, буйволы, медвѣди, волки гладны
Не могши болѣ жить въ своихъ густыхъ лѣсахъ,
Спѣшатъ найти покровъ въ пещерахъ и горахъ;
И люди самые идутъ къ землѣ согбѣнны,
Потупя въ низъ глаза отъ снѣга утомленны;

Тогда себя храня, все тѣло ты покрой
Тяжелой теплою и толстой епанчой,
Подъ нею шерстяной одѣнься ризой плотно,
Чтобъ могъ ты холодомъ ругаться беззаботно,
Воловьей кожею ты ноги обверни
И обувь внутренно чтобъ вся была въ шерсти;
Для отраженія морозовъ разъяренныхъ,
Ты кожи вмѣстѣ сшей козловъ новорожденныхъ
И ими покрывай свои ты рамена,
Полезно также то въ дождливы времена,
Чтобъ шапка тканая главу твою покрыла
И уши самыя отъ влаги оградила;
Когда всю ночь на сквозь сердитый дулъ Борей,
Паръ хладный отъ земли раждается съ зарей.
Тутъ воздухъ съ сыростью полезною нисходитъ,
Плодотвореніе на нивахъ производитъ;
Борей поднявъ пары, бродящи на рѣкахъ,
Наполня облака, ихъ паки льетъ въ дождяхъ:
Но ты предупредить паденье ихъ потщися,
Докончи трудъ, домой поспѣшно возвратися
Чтобъ черно облако прорвавшись надъ тобой
Не проняло одеждъ зловредной мокротой,
Которая болѣзнь удобно приключаетъ,
Но осторожность всѣ напасти отвращаетъ.
Претруденъ мѣсяцъ сей и людямъ и звѣрямъ,
Тогда не полный кормъ давай твоимъ воламъ,
Тутъ пищу дай рабамъ не сладку, но обильну,
Въ ночь длинну крѣпкій сонъ подастъ имъ бодрость сильну,
Во весь текущій годъ сіе ты наблюдай,
По днямъ и по ночамъ всю пищу размѣряй,
Доколѣ мать земля сложа зимы оковы,
Пошлетъ тебѣ плоды богатыя и новы.

Когда же солнце взявъ вторичный оборотъ
Двукратно притщать разъ свершитъ свой дневный ходъ,
Когда зимы спадетъ серебрена корона
И явятся лучи блестящи Оріона,
Звучаща ласточка, когда съ зарей слышна;
То знай что началась пріятная весна,
Что теплотой ея живится вся природа,
Ръжь лозы, имъ тогда удобнѣйша погода;
Напрасный для тебя въ то время будетъ трудъ,
Когда изъ норъ жуки на землю поползутъ;
Когда они Плеядъ поспѣшно убѣгаютъ
И всѣ растенія ногами попираютъ,
Тогда точи косу, рабовъ своихъ буди,
Изъ мрачныхъ ихъ пещеръ поспѣшно изведи,
Гдѣ сладкій сонъ они среди зимы вкушали,
Чтобы они восходъ десницы упреждали,
Тогда-то время жатвъ, блюдись лишиться силъ,
Чтобъ солнца зной тебя совсѣмъ не истощилъ.
До солнца вставай и класы позлащенны
Спѣши скорѣй собрать въ часы толь драгоцѣнны;
Когда же солнечный восходъ не упредишь,
То время потерявъ, себѣ же повредишь.
Заря велитъ, чтобъ мы отъ ложа вставали,
Чтобъ вмѣстѣ съ нею мы работы начинали,
Она должна вести идущаго путемъ,
Она и на воловъ велитъ надѣть яремъ.
Когда луга цвѣтутъ, кузнечики порхаютъ,
И свистомъ всѣ мѣста окрестны наполняютъ;
То лѣто началось, оно на трудъ дано,
Тучнѣе козы тутъ, вкуснѣе и вино,
Нѣжнѣе женщины и слабѣе мущины.
Лучами Сиріусъ стрѣляетъ изъ средины,

Колѣна смертныхъ онъ сильнѣе тяготитъ.
Огнями жаркими онъ тѣло ихъ сушитъ,
Воспользуйся тогда толь теплою погодой;
Въ пещеру свѣжую изсѣченну природой
Для сохраненія поставь сосудъ съ виномъ
И также таковой со свѣжимъ молокомъ.
Еще въ пещерѣ сей отъ зноя удаленной
Ты масло положи телицы воскормленной
Младыми отрасльми, благоуханныхъ древъ
Подъ тѣнію густой на мѣстѣ семъ возсѣвъ
Лице обороти къ дыханіямъ Зефира
Близь свѣтлаго ручья сокрытъ отъ блѣску міра,
Пей свѣжее вино и пищу ты вкушай:
Но воду чистую всегда съ виномъ мѣшай,
Когдажъ воздѣйствуетъ вся сила Оріона
То помни правила Церерина закона,
Вели ее дары скорѣе молотить,
Тамъ, гдѣ бы вѣтръ возмогъ свободно проходить
Измѣряй весь твой хлѣбъ, насыпь его въ сосуды,
Храни ихъ будто бы тутъ злата были груды.
Найми себѣ раба, рабыню безъ дѣтей,
Трудней управить тѣхъ, которые съ семьей;
Достань себѣ и пса, чтобъ онъ былъ рослый, сильный
Довольствуй пищею его всегда обильной,
Богатства всѣ твои онъ вѣрно сохранитъ,
Отъ умысловъ тебя злодѣйскихъ оградитъ,
Которы похищать плоды твои потщатся,
Когда ты будешь сномъ пріятнымъ наслаждаться.
Храни солому ты и сѣно и овесъ,
Чтобъ вѣтръ нечаянно задувъ ихъ не разнесъ
Воловъ и лошаковъ кормить ты будешь ими.
Не токмо милосердъ съ рабами будь твоими,

Но даже и своимъ животнымъ сострадай
И вечеромъ ярмо съ воловъ твоихъ снимай.

Когда и Оріонъ и Сирій на срединѣ,
Когда своихъ путей они на половинѣ,
Когда Медвѣдицѣ коснулся перстъ зари,
Тогда свой виноградъ со тщаніемъ сбери,
На солнцѣ разложи его дней десять сряду,
А послѣ на пять дней поставь его въ прохладу;
Потомъ, пока еще не кончились жары,
Въ сосуды заключи всѣ Вакховы дары.

Когда съ Плеядами Гіяды съединенны
И пылкій Оріонъ отъ ока сокровенны:
То помни что пора настала пахоты,
И такъ чрезъ цѣлый годъ труды устроишь ты.
Коль плавать по морямъ ощутишь духъ отважный:
Блюдись ввѣрять корабль тогда стихіи влажной
Когда, съ Плеядами сошедшись Оріонъ
Поставятъ на моряхъ владычество и тронъ.
Тогда-то съ вѣпровъ всѣ снимаются заклепы
И бури на водахъ рождаются свирѣпы;
Но всѣ труды земли удобны и легки,
На сушу свой корабль въ то время извлеки,
Поставь вокругъ его твердѣйшія подпоры,
Чтобъ онъ пренебрегалъ порывы вѣтра скоры;
Снаряды отъ дождя и снасти сохрани
И также парусы прилѣжно береги:
Они суть крылія, чудесныя, драгія,
Ихъ помощью корабль съчетъ валы морскія;
Для крѣпости ты руль искусно обжигай,
Удобна времени спокойно ожидай,

Тогда спусти корабль съ такой въ него поклажей,
Чтобъ могъ разбогатеть ты выгодной продажей;
Такъ точно сотворилъ родитель мой и твой,
Когда ему судьба грозила нищетой:
Онъ Кумъ, Эольскій градъ, съ поспѣшностью оставилъ,
Отважно свой корабль къ другимъ странамъ направилъ,
Гдѣ прибыль торгомъ онъ большую получилъ;
Потомъ въ Аскреѣ онъ жилище учредилъ,
Хоть мѣсто было то и холодно и скучно.
Однако жизнь онъ тамъ провелъ благополучно.

Персей! со строгостью законъ сей наблюдай:
Въ удобны времена работы учреждай;
А паче морю ты не ввѣрься безразсудно.
Когда большой корабль тебѣ устроить трудно,
По бѣдности твоей, доволенъ малымъ будь,
Со временемъ себѣ откроешь къ щастью путь
Торговлей и трудомъ; коль вѣтры согласятся,
Чтобъ ты безбѣдно могъ среди морей пускаться.

Когда же мысль твою къ торговлѣ обратишь
И презря всѣ бѣды вниманье устремишь
Къ тому, чтобъ безъ долговъ жить щастливо, свободно,
Хоть я не проходилъ искуство мореходно,
Хоть опытомъ его и мало я позналъ;
И только путь одинъ водой предпринималъ,
Когда къ Евбею я стремился изъ Съвкиды,
Гдѣ Греки нѣкогда, въ отмщеніе обиды,

Всѣ войска собрали, чтобъ Трою осаждать,
Гдѣ должно было имъ толь долго вѣтра ждать,
Однако въ семъ пуши, въ странахъ неотда-
ленныхъ,
Хотѣлось мнѣ вѣнца на играхъ, учрежденныхъ
Отъ Амфидамовыхъ достойныхъ добрыхъ чадъ,
И съ ними преніе имѣлъ я много кратъ;
Побѣду одержалъ я пѣснію согласной
Въ награду дали мнѣ тогда сосудъ прекрасной,
Который посвятилъ я Музамъ въ тотъ же
часъ;
Въ семъ мѣстѣ пѣснь моя вѣнчалась первый
разъ
Я въ семъ одномъ пути боролся дерзновенно
Со влажной стихіей, забывъ колико тлѣнно
То судно легкое, на коемъ я сидѣлъ.
И такъ хоть опытовъ и мало я имѣлъ
Но бога сильнаго я далъ тебѣ совѣты
И пѣснямъ научу что мною были пѣты.

Когда умѣрился жаръ солнечныхъ лучей,
Въ теченье времени пятидесяти дней,
Бываетъ плаванье для смертныхъ безопасно,
Не гибнутъ корабли — оно лишь тѣмъ не-
щастно,
Которыхъ осудилъ на злую смерть Нептунъ,
Или въ кого Зевесъ бросаетъ свой перунъ
Когда то вѣчныя судьбы опредѣляютъ
Отъ сихъ боговъ бѣды и благо истекаютъ.
И такъ въ то время тихъ бываетъ вѣтръ
всегда,
Не возмущается волненіемъ вода.

Ввѣряй морямъ корабль не можетъ онъ разбиться;
Однако поспѣшай подъ кровъ твой возвратиться.
Не жди среди морей ты новаго вина,
Тутъ осень съ мрачными туманами вредна;
А паче никогда зимы не дожидайся,
И вѣтровъ Западныхъ свирѣпыхъ опасайся.
Сей вѣтръ рождаяся отъ Зевсовыхъ дождей,
Колеблетъ и мутитъ поверхности морей.

Другое время есть для плаванья способно,
Когда смоковница, слѣдамъ воронъ подобно,
Пускаетъ листвія на самыхъ вершинахъ,
Безбѣдно можно плыть въ вес нихъ первыхъ днях.
Но плаванья сего никакъ не одобряю,
Въ то время я его пріятнымъ не считаю.
Тутъ должно съ точностью минуты уловляти,
И трудно иначе отъ смерти избѣжати.
Но смертный презря все на бѣдствія дерзаетъ:
Желанье прибыли всѣ страхи побѣждаетъ.

А ты прими совѣтъ, любезный мой Персей,
Старайся впечатлѣть его въ душѣ твоей:
Не ввѣрь морямъ всего имѣнья дерзновенно,
И въ домѣ то покинь что больше драгоцѣнно;
Съ собою повези едину малу часть,
Чтобъ въ морѣ не сыскать и бѣдность и напасть.
Коль возы тягостно бываютъ нагруженны:
Сломиться можетъ ось и вещи поврежденны.
Во всемъ умѣренность разумну сохраняй,
Для плаванія дни удобны избирай.

Чрезъ бракъ не поспѣшай лишить себя свободы:
Лѣтъ близко тридцати, къ тому прямые годы.
Дѣвица въ зрѣлости уже въ пятнадцать лѣтъ;
Такую избирай, которa соблюдетъ
Невинности своей сокровище драгое
Дабы ты цѣлый вѣкъ остаться могъ въ покоѣ,
Учи ее блюсти во вѣки чистоту
И нравовъ отческихъ любезну простоту.
Къ такому выбору направи все вниманье,
Когда не хочешь быть сосѣдамъ въ поруганье:
Супруга добрая есть даръ небесъ драгой,
Поноснѣе всего, коль выборъ твой дурной.
Блюдися женъ такихъ, что похотью пылаютъ,
И здравіе мужей и силы истощаютъ.

Богамъ съ усердіемъ и съ ревностью служи,
Какъ яда вреднаго всегда страшися лжи:
Да будетъ съ мыслію лице твое согласно.
Не размножай гостей въ дому своемъ напрасно,
Однако чтобъ никто тебя не укорялъ,
Что ты къ себѣ гостей во вѣкъ не принималъ.
Не будь товарищь злымъ, благихъ не будь гонитель,
Не буди бѣднаго въ нещастьи укоритель,
Довольно уже онъ наказанъ отъ боговъ;
Премудръ, имѣющій блюсти всю мѣру словъ.
Въ томъ сила состоитъ, чтобъ все сказать что нужно
Безъ лишнихъ словъ, забывъ блистаніе наружно.
Коль худо говоритъ о ближнемъ будешь ты,
То вскорѣ о себѣ услышишь клеветы.

Свобода съ радостью да будутъ съединенны
Въ пирахъ, куда друзья, тобою приглашенны,
Они украсятъ пиръ, а въ томъ убытку нѣтъ.
Когдажь на Горизонтѣ зари явится свѣтъ,
Блюдись нечистыми и скверными руками
Дары твои принесть и стать передъ богами:
Противны жертвы имъ, сквернившихся людей,
И ухо отвратятъ отъ всей мольбы твоей.

Во всѣхъ твоихъ дѣлахъ будь кротокъ нерушимо:
И днемъ и ночью все равно богами зримо.
Когда же съ похоронъ придешь къ себѣ домой,
На время удержись соитія съ женой,
Но прежде жертвами очиститься потщися.
Безъ размышленія рѣку прейти блюдися,
А прежде къ богу водъ ты взоры обрати,
Дабы онъ помощь далъ тебѣ въ твоемъ пути.
Притомъ омой себѣ ты руки непремѣнно:
Богамъ покажется противно, дерзновенно,
Когда ты чрезъ рѣку пойдешь неизмовенъ,
Ты можешь быть за то ихъ гнѣвомъ пораженъ.

Начавши домъ, свершай, одолѣвай препоны,
Чтобъ сѣвши на него болтливыя вороны
Въ противныхъ голосахъ и карканьяхъ своихъ,
Не подали тебѣ какихъ предвѣстій злыхъ.
Блюдися мыться ты иль ястьвъ вкушать отмѣнныхъ
Въ сосудахъ иль блюдахъ еще неосвященныхъ.
Опасность въ камняхъ есть на оныхъ не садись,
Сажать на нихъ всегда младенцевъ берегись.
Не мойся никогда, въ одной водѣ съ женою
Разгнѣваешь боговъ ты сей нечистотою.

Когда къ начатію ты жертвы вступишь въ
храмъ,
Не смѣйся никогда, противно то богамъ.
Не оскверняй во вѣкъ ты рѣкъ въ моря теку-
щихъ,
Или источниковъ прозрачну воду льющихъ.
Всеобще мнѣніе ты уважай во всемъ,
Дурная слава есть несноснѣйшій яремъ,
Она изъ устъ въ уста летитъ во всѣ народы;
Всеобще мнѣніе лишаетъ насъ свободы.
Богиня грозная, опасная молва,
Она безсмертна есть, не можетъ быть мертва

ДНИ.

Съ вниманьемъ наблюдай всѣ дни благопріятны,
Да будутъ тайны дней семьѣ твоей понятны.

Способно мѣсяца тридцатое число,
Чтобы распредѣлять работу, ремесло,
Которыми занять рабовъ твоихъ желаешь,
Въ тотъ день на площади народъ вездѣ встрѣчаешь,
Въ тотъ день судья дѣла въ судилищѣ вершитъ
И приговорами всѣ пренія рѣшитъ
На каждый день судьба поставила законы.
Въ девятый Аполлонъ родился отъ Латоны:
Сей день для смертнаго великъ и освященъ.
Осьмой же день къ трудамъ въ домахъ опредѣленъ;
Въ одиннадцатый день стриги овецъ прилѣжно;
Для виноградныхъ гроздъ число сіе надежно:
Въ сей день работаетъ паукъ въ сѣти своей,
Въ сей день себѣ запасъ сбираетъ муравей;
А добрая жена свой станъ приготовляетъ
И нитки на него для ткани полагаетъ.
Но въ день принадцатый семянъ не посѣвай,
А лучше въ этотъ день растѣнія сажай.
Шестнадцатый же день есть вредный для саженья,
Хотъ онъ прещастливый для мужеска рожденья,

Однако же для женъ въ немъ вредный есть признакъ:
Опасно и рождать, вступать опасно въ бракъ.
Въ день первый и шестый, дѣвицы не родятся;
Въ сей день твои клева тобой да посѣтятся
Стриги своихъ овецъ, барановъ и козловъ:
Тѣ дни суть щастливы всегда для пастуховъ;
Къ рожденію мужей тѣ дни весьма удобны.
Всѣ брани колкія, лжи хитрыя и злобны,
Слова плѣняющи, и тайный разговоръ,
Приличны онымъ днямъ; ихъ множится соборъ;
Сплетенье всякой лжи въ тѣ дни легко родится
И всякой человѣкъ тогда готовъ прельститься.

Ты долженъ день осьмый всегда опредѣлять
Къ обрѣзанью воловъ и маленькихъ козлятъ.
А день двѣнадцатый ословъ трудолюбивыхъ.
Двадцатый можетъ дать тебѣ сыновъ щастливыхъ:
Удобенъ онъ весьма къ рожденію мужей.
Въ четырнадцатый день ждать должно дочерей;
Въ сей день пріобучать барановъ ты потщися,
Чтобы на голосъ твой они къ тебѣ стеклися;
Накладывай въ сей день яремъ твоимъ воламъ,
Уроки съ ласкою давай домашнимъ псамъ,
Учи и лошаковъ работѣ имъ пристойной:
Но духъ при томъ храни незлобный и спокойный.
Въ четвертый день печаль отъ мыслей отгоняй
И день сей завсегда священнымъ почитай:
Въ сей день прещастливо съ супругой сочетанье,
Но прежде наблюдай различныхъ птицъ летанье;

Сего ты изъ виду не долженъ упускать.
Блюдись пѣхъ дней, гдѣ ты число встрѣчаешъ пять
Они опасные : о дняхъ сихъ утверждаютъ,
Что Фуріи тогда всѣ грады посѣщаютъ,
Ища, чтобъ местію тѣхъ смертныхъ наказать,
Которы свой обѣтъ дерзаютъ нарушать.

Въ семнадцатый же день иди къ дарамъ Цереры,
Ссыпай ихъ, молоти, клади въ различны мѣры;
Руби для дому лѣсъ, руби для кораблей.
Въ четвертый день готовь къ работѣ все своей.
Въ десятый день женить дѣтей своихъ спарайся :
Онъ щастливъ и священъ, его неопасайся.
Замѣть что я скажу, и въ двадцать первый день
На бочки винныя всѣ обручи надень;
Удобенъ сей же день для конскаго ристанья
Не всякой обратитъ къ словамъ моимъ вниманье.

Въ четвертый день съ виномъ сосуды всѣ открой;
Средину дня сего остави на покой.

Всѣ дни, о коихъ я теперь упоминаю
Полезны для людей, то вѣрно утверждаю
А прочимъ днямъ и силъ особыхъ не дано,
И всѣхъ удобными щитаютъ ихъ равно.
Не всѣмъ, рожденнымъ въ міръ, сіи открыты тайны :
Онѣ высокія, онѣ необычайны.

Блаженъ умѣющій премудро учреждать,
Работы и богамъ всесильнымъ угождать;
Природой самою порядку наученный,
Онъ вкуситъ радости, вѣкъ мирный и блаженный.

ѲЕОГОНІЯ.

Хочу прославить Музъ въ пріятномъ, плавномъ тонѣ,
Рожденныхъ на горѣ священной Геликонѣ,
Размѣрно пляшущихъ при брегѣ ручейка,
Котораго вода свѣтла и глубока,
Гдѣ жертвенникъ стоитъ, Зевесу посвященный,
Пермесскою водой прозрачной омовенный.
Храня пріятности и стройности законъ,
Они плясаніемъ вѣнчаютъ Геликонъ;
Когда же ночь свои покровы простираетъ,
То чистый ихъ соборъ съ вершинъ горы слетаетъ;
Тогда ихъ сладкіе и звучны голоса
Поютъ Юпитера и славятъ небеса,
Златою обувью украшенну Юнону
Поютъ Минервѣ въ честь, Діанѣ, Аполлону,
Нептуну, грозному владѣтелю морей,
Поставившему тронъ на влажности зыбей
Ѳемиду строгую отлично прославляютъ,
Венеру нѣжную, Амура воспѣваютъ.
Гебею блещущу всегда въ вѣнцахъ младыхъ
И, словомъ, боги всѣ прославлены отъ нихъ.
Тѣ дѣвы чистыя, отрада смертныхъ рода,
Въ священномъ пѣніи учили Гезіода,
Пасущаго стада смиренно на земли,
Они, пришедъ къ нему, слова сіи рекли:

"О пастыри! отъ насъ укоры вы достойны:
"Какъ можете въ своемъ вы духѣ быть спокойны,
"Когда водимые корыстію одной,
"Въ звѣринцахъ цѣлый вѣкъ провесть хотите свой;
"Подверженны въ ночи росамъ, дождямъ холоднымъ,
"А днемъ премѣнностямъ ненастнымъ непогоднымъ;
"Познайте, что мы ложь умѣемъ обличать,
"Умѣемъ истину мы смертнымъ открывать."

Глаголы чистыхъ дѣвъ неслись, какъ грома звуки,
Они подавши мнѣ блестящій скипетръ въ руки
И вѣтвь лавровую, зеленую всегда,
Повелѣваютъ мнѣ, въ предвѣстіе труда,
Содрать съ нее кору, которой покровенна;
Тутъ сладость мнѣ была ихъ пѣсней вдохновенна:
Да будущее я съ претекшимъ воспою,
Да вѣки поздныя услышатъ пѣснь мою,
Да съ Музами начавъ, я съ ними и скончаю,
Да пѣснь мою богамъ безсмертнымъ посвящаю.

Но нужноль лишнія с. ва произносить?
Почто о дубѣ мнѣ, о камнѣ говорить?
Прославимъ чистыхъ дѣвъ, онѣ того достойны,
Ихъ сладки голоса согласныя и стройны,
Ихъ хоры свѣтлыя, ліющи плавный тонъ
И окружающи Зевесовъ пышный тронъ
Поютъ отца боговъ неизъяснимy славу,
Покорно все его всесильному уставу:

Единый голосъ Музъ удобенъ все воспѣть,
Что было, то, что есть, и то, что будетъ впредь;
Олимповъ снѣжный верхъ самихъ Боговъ селенье,
Когда услышитъ Музъ и стройное ихъ пѣнье,
То радостью объятъ обширный свѣтлый домъ
Зевеса грознаго, мечтающаго громъ.
Такъ дѣвы чистыя поютъ боговъ начало,
Отъ коего въ землѣ все благо возсіяло;
Боговъ, родившихся отъ неба и земли
Въ потомство поздное ихъ пѣсни пронесли.
Потомъ къ Юпитеру всѣ гимны обращаютъ
Имъ начинаютъ пѣснь и имъ оканчаваютъ;
Гигантовъ грозну брань, когда они поютъ,
То восхищеніе Зевесу въ душу льютъ.
О дѣвы чистыя, на Пиндѣ поселенны!
Вы Мнемозиною на свѣтъ произведенны,
Богиней сильною Элевтровыхъ полей,
Гонящу лютой мракъ печалей и скорбей
Чертоги свѣтлые, всѣхъ радостей жилища,
Гдѣ пляски, пѣнія единая ихъ пища;
Недалеки отъ мѣстъ, гдѣ самъ Олимпъ стоитъ,
Который снѣжною одеждою покрытъ;
Близь ихъ въ лѣсахъ, гдѣ въ вѣкъ листы не увядаютъ
Амуры, Граціи, Утѣхи обитаютъ,
Тамъ Музы, въ ихъ кругу смѣшавшися, поютъ
Безсмертныя дѣла потомству предаютъ.
Оставя иногда ихъ собственны чертоги
Стремятся на Олимпъ, гдѣ пиршествуютъ Боги,
И съ лирой съединя пріятность голосовъ,
Они сближаются съ правителемъ вѣковъ,

Ни молніи, ни громъ, для чистыхъ дѣвъ не грозны
Ихъ пѣсни удивятъ въ потомствѣ вѣки поздны,
Не можетъ заглушить ихъ времени полетъ:
Онѣ превыше всѣхъ, для нихъ препоны нѣтъ.
Піиты и пѣвцы, граждане Геликона
Суть чада чистыхъ Музъ и чада Аполлона,
Бросающаго вдаль стрѣлу свою съ небесъ;
Владыкамъ и Царямъ отецъ есть самъ Зевесъ.
Блаженъ вкушающій, пріятну Музъ бесѣду:
Отъ устъ его течетъ, гласъ сладкій, равный меду,
Когда душа скорбитъ, стѣсняема бѣдой,
Иль сердце чувствуетъ ядъ люотой грусти злой,
Жрецъ Пинда пѣніемъ всѣ язвы изцѣляетъ.
Геройскіяль дѣла онъ громко прославляетъ,
Богамъ ли гимнъ поетъ на лирѣ онъ своей,
Нещастный облегченъ отъ всѣхъ своихъ скорбей,
Дары небесны Музъ разсѣютъ скуки, мраки,
Прогнавъ отъ мыслей прочь всѣ вредные призраки.

О дщери Зевсовы! я васъ къ себѣ зову:
Пріосеніте вы лучемъ мою главу,
Подайте лирѣ гласъ пріятный, стройный, плавный,
Да ею воспою безсмертныхъ корень славный,
Чадъ неба и земли и ночи мрачной родъ,
Живущихъ въ пропастяхъ и въ нѣдрахъ быстрыхъ водъ.
Но, повѣствуя мнѣ самихъ боговъ рожденье,
Откройте чудное земли происхожденье,

Скажите, какъ по ней всѣ рѣки пролились,
Какъ волны моря вдругъ изъ бездны поднялись,
Когда на небѣ сонмъ блестящихъ звѣздъ родился,
Когда эѳирный сводъ въ величіи явился,
Какіе изъ боговъ сначала рождены,
Какъ всѣ сокровища межь ихъ раздѣлены,
Какія почести безсмертные имѣли,
Какіе прежде всѣхъ на верхъ Олимпа сѣли?

О Музы! восходя къ началу всѣхъ вѣковъ,
Скажите мнѣ, кто былъ древнѣйшій изъ Боговъ.
Хаосъ былъ прежде всѣхъ, потомъ Земля рожденна
И первымъ жительствомъ богамъ опредѣленна.
Среди земли Плутонъ поставилъ свой чертогъ
Любовь родилася, Любовь прелестный богъ,
Одолѣвающій могуществомъ препоны,
Дающій и богамъ и смертнымъ всѣмъ законы;
Хаосъ во бракъ вступилъ, съ Эревомъ съединясь,
И вскорѣ послѣ Ночь отъ оныхъ родилась
Отъ ней Эѳиръ и День родились съ красотами,
Земля произвела небесный сводъ съ звѣздами,
Который мать свою блистаніемъ затмилъ,
На коемъ и чертогъ боговъ поставленъ былъ;
Земля произвела всѣ цѣпи горъ высокихъ,
Гдѣ Нимфы кроются въ ущелинахъ глубокихъ,
Хоть помощи Землѣ Любовь и не дала;
Пучину волнъ Земля сама произвела
Отъ Неба и Земли союзомъ сочетанныхъ;
Родился Океанъ и сонмы водъ пространныхъ
Отъ нихъ же родились Креитъ, Гирезіонъ,
Яфетъ, Мнемозина, Ирея и Коонъ

Фебея блещуща, и Θея и Θемида,
А наконецъ, сама любезная Θетида;
По ней ужаснѣйшій изъ всѣхъ сыновъ земныхъ
Сатурнъ, озлобившій родителей своихъ.
Отъ Неба бытіе Циклопы возпріяли,
Которы гнѣвъ всегда Зевеса возбуждали;
На образъ всѣхъ боговъ ихъ образъ походилъ,
Съ той разностью, что глазъ у нихъ единый былъ:
Отселѣ имя имъ Циклопъ происшекаетъ,
Что глазъ ихъ точный кругъ на лбу начертаваетъ;
Безмѣрна сила ихъ, огроменъ ихъ и станъ,
Во всѣхъ художествахъ имъ свѣтъ отличный данъ.

Земля и Небо трехъ сыновъ еще имѣли,
Безъ трепета нельзя именъ ихъ произнесть:
Коттъ, Гигесъ, Бріарей отъ самой колыбели
Ужаснѣе всего, что въ ивари только есть.
Сто рукъ у каждаго къ плечамъ ихъ прикрѣпленны
И пятьдесятъ головъ на шеѣ утвержденны,
Огромный, страшный станъ, обширныя чресла
И силу грозную вмѣщаютъ ихъ тѣла;
Но Небо самое, которо ихъ родило,
Къ нимъ вкупѣ ненависть и ужасъ ощутило.
Едва еще на свѣтъ родился кто изъ нихъ,
То Небомъ былъ сокрытъ во пропастяхъ земныхъ,
Чтобъ солнце зраки ихъ лучемъ не освѣщало,
Земля смутилася въ ней сердце возстенало;
Въ отмщенье тайный ковъ она изобрѣла:
Изъ нѣдра своего желѣзо родила

И косу острую изъ онаго сковала;
Потомъ, своимъ сынамъ ту косу показала
И, горькую печаль нося въ душѣ своей,
Свой гнѣвъ старается вдохнуть въ своихъ дѣтей:

"О племя грозное, ужасное для свѣта
"Отъ нѣжной матери и любнаго отца!
"Послушайте въ сей часъ полезнаго совѣта:
"Отмстите за меня коль есть у васъ сердца;
"Не самъ ли вашъ отецъ возмнилъ ругаться мною
"И гнѣва моего не самъ ли онъ виною?"

Рекла, и ужасъ всѣхъ сыновъ ея объялъ;
Сатурнъ, одинъ Сатурнъ отважно ей вѣщалъ:
"Вооружи меня ты острою косою
"И мщеніе твое свершится скоро мною,
"Отца свирѣпаго повѣрь не устрашусь
"И противу него немедля ополчусь."
Онъ рекъ отъ радости Земля вострепетала
И какъ бы казни всѣ устроить размышляла,
Косой вооружа Сатурна своего,
На стражу крѣпкую поставила его;
Явилось Небо, — Ночь его сопровождаетъ
И Небо на Землѣ роскошно возлегаетъ,
Вкушая всѣ права супружества съ Землей,
Тогда Сатурнъ изшелъ изъ пропасти своей;
На землю опершись онъ лѣвою рукою,
И косу грозную стремясь держать другою,
Способность порождать отрѣзалъ у отца
И кровь его ліясь поверхъ земли лица,
Когда исполнились назначенные годы,
Та кровь произвела различны Фурій роды,

Гиганты грозные родилися отъ ней,
Покрыты крѣпкою блестящею броней
И Нимфы, по Землѣ разсѣянны всемѣстно.
Въ сей чудной повѣсти содѣлалось извѣстно
Что силы возрождать отсѣчены косой
Вдругъ погрузилися во глубинѣ морской
И приведенныя отъ самыхъ волнъ въ движенье —
Они произвели на нихъ плодотворенье,
Вдругъ пѣна бѣлая на морѣ поднялась,
И Нимфа отъ нее младая родилась,
Но волны, не смотря на тучи бурны, сѣры,
Несутъ ее къ брегамъ божественной Цитеры,
Достигнувъ Кипра вдругъ, оставивши валы,
Она кидается на острыя скалы;
Богиня выше всѣхъ блестяща красотами,
Идетъ, и путь ее усыпанъ весь цвѣтами
Венерой отъ боговъ она наречена,
За тѣмъ, что пѣною морскою рождена,
И также дали ей названье Цитереи,
Отъ мѣста, гдѣ ее поставлены трофеи;
Кипридой потому, что первый Киприъ узрѣлъ
Какъ съ пѣной валъ морской на брегъ ея привелъ;
Любовь ей спутница, во слѣдъ идетъ Желанье;
Едва родилася уже боговъ собранье
Ей мѣсто дало съ нимъ, соединило власть,
Всесильно устроять боговъ и смертныхъ часть.
Утѣхи, радости, прелестны разговоры
Бесѣды страстныя, плѣняющіе взоры,
И все чрезъ что Амуръ всѣмъ міромъ овладѣлъ
Все то досталося богинѣ сей въ удѣлъ.

Но Небо цѣну всю обиды ощущаетъ:
Титанами сыновъ во гнѣвѣ нарекаетъ,

Да то названіе вселенной возвѣститъ,
Что Небо яростью и мщеніемъ горитъ.
Отъ Ночи произшелъ Рокъ злобный и нещастный,
Смерть, Сонъ, Унынie, Мечтанія ужасны,
Такихъ-то первыхъ чадъ Ночь мрачна родила,
Всѣхъ ихъ безъ помощи боговъ произвела.

Потомъ, родился Момъ и всѣхъ безумій виды;
По немъ произошли отъ Ночи Гесперіды,
Златыя яблоки стрегущія въ садахъ,
Лежащихъ на морскихъ песчаныхъ берегахъ;
Три Парки родились, Судьбы орудья злыя,
Атропа и Клото и третья Лахезія.
При всѣхъ рожденіяхъ ихъ должность предсѣдать,
И смертныхъ или зломъ, иль благомъ надѣлять.
Они гоняются за злобными сердцами,
Которы предъ людьми виновны и богами;
Отъ сихъ преступниковъ онѣ не отстаютъ,
Доколѣ не свершатъ надъ ними правый судъ.
Еще произвела Ночь грозну Немезиду,
Сіе чудовище ужаснѣйшаго виду;
Обманъ со Старостію явились съ ихъ ярмомъ,
Родился и Раздоръ съ безстыднѣйшимъ челомъ,
А отъ него Труды, Забвеніе услуги,
Жестоки Горести, Страданія, Недуги,
Убійства, Грабежи, Война, Кровавый Бой,
Лютѣйша Ненависть съ Раскаяньемъ, съ Тоской,
Измѣна, ярый Гнѣвъ, законовъ всѣхъ Презрѣнье
Коварны Умыслы и Клятво-преступленье.

Отъ Моря произшелъ правдивый сынъ Нерей,
Который старшимъ былъ изъ всѣхъ его дѣтей,
Онъ старцемъ прозванъ былъ за кротость несравненну,
И за любовь его ко правдѣ неизмѣнну,
Онъ правосудіе нелестное творитъ,
И милость съ правдой въ немъ согласно говоритъ.
Едва Сатурновы лишь дѣти возникали,
Лишь быть для матери забавой начинали:
Немедленно Сатурнъ ихъ злобно пожиралъ,
И въ алчную свою утробу заключалъ.
Онъ столько былъ жестокъ за тѣмъ, что устрашался,
Чтобъ кто противъ него изъ чадъ не ополчался.
А Небо и Земля родители его,
Сказали, что давно отъ Рока самаго
Уже предписано, что время то настанетъ,
Въ которое Зевесъ противъ Сатурна грянетъ,
Что будетъ побѣжденъ отъ сына своего,
И что Зевесъ лишитъ владычества его.
Въ семъ бѣдствіи не одна угроза токмо зрится
А прорицаніе, которо должно сбыться.
Сатурну потому дѣтей пожрать не жаль,
Для Реи то была несносная печаль;
Когда она въ себѣ Зевеса ощутила,
Къ родителямъ мольбы усердно приносила,
Совѣта требуя отъ Неба и Земли,
Чтобъ отъ Сатурна спасть ей сына помогли;
Печалью дочери страдающей тягченны,
Они открыли ей уставы сокровенны,

И что назначено Сатурну отъ Судбинъ,
Рекли: "Едва лишь твой на свѣтъ родится сынъ,
"Едва въ глаза его блеснетъ лучь солнца ясный,
"Пошли его во Критъ обильный и прекрасный."
И такъ какъ скоро Ночь угрюмая пришла,
Земля Юпитера отъ Реи приняла,
На Ликтовы брега поспѣшно съ нимъ сокрылась,
И въ Критъ вмѣстѣ жить со внукомъ поселилась,
И тамъ, сокрывъ его пещеры мрачной въ тѣнь,
Его воспитывать пеклась и ночь и день,
А Рея, камень взявъ огромный, спеленала,
И на съѣденіе супругу предлагала.
Алкающій Сатурнъ въ тотъ часъ его пожралъ,
Но онъ въ безуміи совсѣмъ того не зналъ,
Что Рея родила не камень сей, но сына,
Котораго спасла всесильная Судьбина,
Что сынъ сей отъ его жестокости сокрытъ,
Что будетъ всемогущъ и громомъ возгремитъ,
Что онъ величіе Сатурна одолѣетъ,
Что силою, онъ всей вселенной овладѣетъ.

Межъ тѣмъ сей царь небесъ, питался, возрасталъ,
Въ немъ сила множилась и гнѣвъ его пылалъ,
Когда ужь протекли предписанныя лѣты,
Земля ему дала полезные совѣты.

Сатурнъ почувствовавъ, что сыномъ побѣжденъ,
Извергнутъ изъ себя боговъ былъ принужденъ,

Которы въ жадности имъ были поглощенны;
Но первый изъ его утробы свобожденный,
Былъ самый камень тотъ, что сына замѣнилъ;
Юпитеръ взялъ его, и въ Пифъ утвердилъ,
Близь узкія стези, къ Парнасу приближенной,
Поставленъ камень сей какъ памятникъ священной,
На вѣчны времена богамъ безсмертнымъ въ честь,
Чтобъ чудеса сіи въ потомство перенесть;
Циклопы, бывшіе въ оковы заключенны,
Зевесовой рукой въ тотъ часъ освобожденны,
Въ благодареніе владыкѣ своему,
Вручаютъ и перунъ и молнію ему,
Которыя земля во чревѣ сокрывала;
Тогда власть Зевсова неодолима стала,
Непобѣдимыми стрѣлами вооруженъ,
Для смертныхъ и боговъ онъ страшнымъ былъ почтенъ.

Яфетъ вступилъ во бракъ съ Клименой несравненной,
Отъ Океанова супружества рожденной;
Отъ Яфета Атласъ рожденъ и Прометей...
Менетій и всѣхъ золъ вина Эпиметей,
Который, съ Нимфою соединясь прекрасной,
И, не увидя въ ней Зевеса ковъ опасной,
Причиной сдѣлался страданій и скорбей,
Которыми Зевесъ отяготилъ людей;
Зевесъ, который всю природу проницаетъ,
Менетія стрѣлой за гордость наказалъ,
Преступника въ Эревъ, за злобу низвергаетъ,
Менетій праву казнь злодѣевъ испыталъ.

На самый край земли Зевесомъ удаленный,
И къ саду Гесперидъ поющихъ приближенный
Атласъ поддерживалъ руками и главой,
Обширный неба сводъ и цѣлый шаръ земной,
Велѣли такъ ему отца боговъ уставы,
Котораго суды рѣшительны и правы.
Потомъ, отецъ боговъ и Прометея взялъ,
И крѣпкими къ столбу цѣпями приковалъ,
Послалъ къ нему орла съ обширными крылами
Терзать въ немъ внутренность и носомъ и когтями,
И сколько могъ орелъ въ теченье дня пожрать,
Толико вночь ее рождалося опять.
Отважный Геркулесъ страдальца избавляетъ,
И злобнаго орла въ дно ада низвергаетъ.
И тако Прометей отъ мукъ освобожденъ,
Но волей божества сей подвигъ былъ свершенъ,
И позволеніемъ всесильнаго Зевеса,
Дабы умножилась тѣмъ слава Геркулеса,
Для коего Зевесъ гнѣвъ ярый укротилъ,
И Прометеево страданье облегчилъ;
Сей день возникъ въ тотъ день какъ Зевсъ сошелъ въ Микону,
Послѣдуя Судебъ превѣчному закону,
Какъ отъ рѣшенія его всесильныхъ словъ
Зависѣла судьба и смертныхъ и боговъ,
Для тѣхъ и для другихъ волъ грозный былъ поставленъ,
Онъ сыномъ Яфета искусно былъ приправленъ
Со прилѣжаніемъ всѣ кости онъ сложилъ
И жиромъ тучнымъ ихъ съ намѣреньемъ покрылъ.

Всѣжь части лучшія онъ въ кожу заключаетъ,
Потомъ на пищу все собранью предлагаетъ,
"Яфетовъ сынъ!— тогда отецъ боговъ сказалъ—
"Почто ты не равно всѣ части раздѣлялъ?"
Титанъ, лукавствуя, являясь покорнымъ,
Сказалъ съ улыбкою, съ смиреніемъ притворнымъ:
Сильнѣйшій изъ боговъ! ты самъ имѣешь власть
Избрать изъ всѣхъ тебѣ угоднѣйшую часть.
Онъ тако ввесть хотѣлъ Зевеса въ заблужденье,
Который ужь имѣлъ заранѣ увѣренье,
Какія скорби сей обманъ произведетъ,
Какія бѣдствія онъ смертнымъ нанесетъ.
Всесильною рукой Зевесъ весь тукъ срываетъ;
Душа его горитъ и гнѣвъ его пылаетъ,
Когда увидѣлъ онъ соборъ однѣхъ костей:
Отъ сихъ временъ должны всѣ племена людей,
На олтаряхъ боговъ и имъ во угожденье,
Всѣ кости сожигать при жертвоприношеньѣ.
"Яфетовъ хитрый сынъ!— Зевесъ ему сказалъ—
"Къ чему удобенъ ты, теперь то я позналъ."
Онъ рекъ, и въ сердце скрывъ свой гнѣвъ необычайный,
Онъ мыслилъ, какъ, потомъ совѣтъ устроить тайный.
Престалъ огонь сходить съ лазуревыхъ небесъ,
Земля совсѣмъ мертва и сей огонь изчезъ,
Пронзавшій нѣдра въ ней, дававшій жизнь ей нову;
Яфетовъ хитрый сынъ тогда прибѣгнулъ къ кову,

Взявъ солнечны лучи, ихъ въ урну заключилъ,
И хитро ихъ отъ глазъ Зевесовыхъ сокрылъ;
Узрѣвъ, что огнь блеститъ и смертныхъ согрѣваетъ,
Зевесова душа терзается, пылаетъ,
Онъ рекъ: огню сему пребыть у нихъ велю,
Но лютыя бѣды на землю я пошлю;
Онъ рекъ: — Вулканъ его велѣнье исполняетъ,
И землю разведя, статую устрояетъ,
Которая сходна съ дѣвицею была,
Минерва ризу ей серебрену дала,
И поясъ вкупѣ съ ней, гдѣ золото блистало,
Надѣла на главу бѣлѣйше покрывало,
И, чтобы большія придать ей красоты,
По волосамъ ея разсыпала цвѣты;
Украсила ее короною златою,
Котора сдѣлана Вулкановой рукою;
Художникъ мудрый сей искусство истощилъ
И на коронѣ сей животныхъ всѣхъ вмѣстилъ,
Которы и моря и землю населяютъ,
А на коронѣ сей такъ чувства обольщаютъ,
И такъ блистаютъ въ нихъ горящіе огни,
Что кажутся глазамъ живыми быть они.
Такъ Нимфа прелестью одежды украшенна
Была Минервою къ богамъ препровожденна,
Со удивленіемъ они должны глядѣть,
Какую хитрую Зевесъ устроилъ сѣть,
Для смертныхъ, коимъ онъ, суля благодѣянье,
Готовилъ скорби имъ, бѣды и наказанье.
Отъ племени сего родились тѣ жены,
Которыя бичемъ для смертныхъ быть должны;
Отважны, дерзски, злы, немилосерды, лживы,
Къ трудамъ хозяйственнымъ несклонны и лѣнивы,

И вмѣсто, чтобъ мужей въ заботахъ облег-
чать,
Удобны роскошью имѣнье расточать;
Такъ пчелы добрыя, коль трутня допускаютъ,
Въ возмездіе, плоды трудовъ своихъ теряютъ,
Не утомляются онѣ среди работъ,
А трутень безъ трудовъ снѣдаетъ сладкій
сотъ;
Всесильный грома богъ, Перуномъ воруженный,
Печальми нашими и скорбями смягченный,
Ко облегченью онъ жену намъ сотворилъ,
Помощницей въ трудахъ ей быть опредѣлилъ;
Но невсегда жена ту должность исполняетъ,
А часто горести, досады приключаетъ.
Иной со тщаніемъ отъ брака прочь бѣжитъ,
Затѣмъ, что бремя то несносно тяготитъ;
Но чтожь подъ игомъ лѣтъ съ сѣдыми воло-
сами,
Согбенный дряхлостью, болѣзнями, годами,
Всѣхъ утѣшеній онъ и помощей лишенъ,
Слезами прахъ его не будетъ орошенъ,
Лишь духъ испуститъ онъ, его наслѣдникъ
жадный
Спѣшитъ погребсть его съ душой сухой и
хладной.
Добро и злб всегда въ борьбѣ между собой,
И даже тотъ, кто былъ щастливъ своей же-
ной,
Котору прелести и разумъ украшали,
И тотъ въ свой вѣкъ не чуждъ отъ скорби и
печали:
Но горе смертному, когда онъ сопряженъ
Съ проклятымъ родомъ тѣмъ, который по-
рожденъ

Отцемъ боговъ на свѣтъ во гнѣвѣ преужасномъ:
Пребудетъ таковой во жребіи нещастномъ;
Люттѣйшая тоска въ немъ сердце сокрушитъ,
Не сыщетъ онъ нигдѣ отъ зла себѣ защитъ;
Добычей будетъ онъ страданій и мученій,
Не встрѣтитъ никогда отрадъ, ни утѣшеній;
Никто не скроется отъ праведныхъ судовъ,
Отъ ока быстраго правителя боговъ.
И тако Прометей, искусный сынъ Яфета,
По предписанію Зевесова совѣта,
Не находилъ въ себѣ ни мудрости, ни силъ,
Чтобъ ту расторгнуть цѣпь, которой связанъ былъ.

Противу Коттуса, Гигеса, Бріарея,
Досадою горя и гнѣвомъ пламенѣя,
Отецъ боговъ страшась безмѣрной силы ихъ,
Держалъ ихъ скованныхъ во пропастяхъ земныхъ,
Имъ жить назначено въ мѣстахъ подземныхъ міра,
Которыя лежа всѣхъ далѣ отъ Эѳира,
Составили земли конечнѣйшій предѣлъ,
И тамъ имъ много лѣтъ Зевесъ страдать велѣлъ;
Земли, Юпитера и всѣхъ боговъ совѣтомъ,
Имъ вдругъ предписано соединиться съ свѣтомъ,
Земля представила правителю боговъ,
И силу грозную и скорбь ея сыновъ;
Она сулитъ, что онъ ихъ сильными руками,
Возможетъ получить побѣду надъ врагами;

Титаны, говоритъ, въ злой ярости своей,
Воздвигли брань противъ Сатурновыхъ дѣтей,
Которыя борьбой вседневной истощенны
Титаныжь, на горѣ высокой укрѣпленны,
Воюютъ съ люпостью противу всѣхь боговъ,
Щедротой дышущихъ Сатурновыхъ сыновъ;
Кто побѣдитъ изъ нихъ, извѣстно то Судьбинѣ,
Но безконечною брань кажется донынѣ.
Когда же самъ Зевесъ Циклоповъ воружилъ,
И ихъ Амврозіей небесной укрѣпилъ;
Когда божественный Нектаръ протекъ въ ихъ жилы,
И усугубилъ въ нихъ и бодрость ихъ и силы,
Когда огнь мужества въ сердцахъ ихъ воспылалъ,
Тогда отецъ боговъ со громомъ имъ вѣщалъ:

"О знаменитыя Земли и Неба чада!
"Внемлите, что велитъ сказать моя досада:
"Кровопролитная, ужасная война,
"Которa толь давно по злобѣ возжена,
"Титановъ, противъ насъ неправо ополченныхъ,
"Виною многихъ битвъ, всякъ день возобновленныхъ.
"Коль вы признательны ко благости моей,
"Позволившей вамъ зрѣть свѣтъ солнечныхъ лучей,
"Возстаньте, силу рукъ Титанамъ докажите
"И, ополчаяся, всѣ муки вспомяните,
"Какія въ тяжкихъ вы оковахъ понесли,
"Какъ были заперты во пропастяхъ земли."

Онъ рекъ — и Котусъ, вставъ въ рѣчахъ своихъ нелестный,
Сказалъ: "отецъ боговъ! намъ брани тѣ извѣстны:
"Ты мановеніемъ однимъ руки твоей
"Удобенъ помогать богамъ во брани сей,
"Но естьли мудрость такъ твоя опредѣлила,
"И насъ изъ грозной тмы ко свѣту возвратила,
"Когда безмѣрною ты благостью твоей
"Избавилъ насъ отъ мукъ и тягостныхъ цѣпей
"То мы, чтобы тебѣ воздать благодаренье,
"Не пощадимъ всѣхъ силъ и сотворимъ отмщенье,
"Пойдемъ ударимъ мы, сразимся, яко львы,
"Титаны свѣдаютъ Циклопы каковы!"

Онъ рекъ — и боги всѣ согласно возплескали,
Всѣ знамя отъ него къ сраженью ожидали.
Богини, боги, всѣ Сатурновы сыны,
Равно и мужествомъ и мщеньемъ возжены.
Циклопы, вырвавшись съ стремленіемъ жестокимъ,
Готовы въ брань вступить и къ ихъ плечамъ широкимъ,
Прикрѣплены сто рукъ и пятдесятъ головъ;
Сіи чудовища, служители боговъ,
Готовы совершить дѣла чудесны, громки,
И держутъ грозные высокихъ горъ обломки,
Титаны собираютъ полки свои спѣшатъ,
И равной яростью и мужествомъ горятъ
Сразиться съ пылкостью, подъять труды суровы,
Другъ друга низложить — на все они готовы,

И объ стороны, пылающи равно,
Имѣютъ цѣлію отмщеніе одно.

Ужасный нѣкій гулъ по морю раздается,
И вопль пронзительный исходитъ изъ земли;
На небъ стонъ, Олимпъ колеблется, мятется
Безсмертныхъ грозный ходъ рождаетъ шумъ вдали,
Отъ боя ратниковъ, которы камни мещутъ,
Жилища мрачныя и Тартаръ самъ трепещутъ.
Циклоповъ крикъ и гласъ Титановъ и боговъ
Уже возносится превыше облаковъ.
Зевсъ гнѣва своего уже не сокрываетъ,
Ужь явенъ сталъ сей гнѣвъ, уже кипитъ, пылаетъ;
Всесильная рука Зевесова грозитъ,
Блистаетъ молнія, ужасный громъ гремитъ,
Онъ мещетъ грозныя свои палящи стрѣлы;
Уже горитъ земля и всѣ ея предѣлы,
Въ пещерахъ мрачныхъ громъ отъ Эха повторенъ,
Трещитъ угрюмый лѣсъ отъ молній воспаленъ;
Сожженъ весь шаръ земный чрезъ огнь неукротимый,
Пространный Океанъ, моря неизмѣримы,
Клокочутъ и кипятъ — паръ черный и густой,
Перерываемый лишь молніей одной,
Какъ мрачнымъ облакомъ Титановъ окружаетъ
Блескъ яркихъ быстрыхъ стрѣлъ ихъ очи ослѣпляетъ;
Объятый пламенемъ и самъ Эревъ горитъ
Ужь ухо слышитъ тамъ уже и око зритъ

Съ великимъ ужасомъ тѣ таинства священны,
Во глубинѣ земли доселѣ сокровенны,
Земли, котору гнѣвъ Зевеса сокрушилъ,
Гдѣ грозный бой боговъ стихіи возмутилъ,
Смѣшался вѣтровъ свистъ со трескомъ стрѣлъ горящихъ,
Пыль вихремъ поднялась, составя облака,
Ужасный слышенъ шумъ средь ратниковъ разящихъ,
Побѣда, кажется, уже недалека.
Коттъ, Гигесъ, Бріярей, всегда хотящи бою,
Оканчиваютъ все и триста камней съ горъ,
Которы бросили Циклопы съ быстротою,
Титановъ низложа, свершаютъ ихъ позоръ;
Во мрачный Тартаръ ихъ, низвергнувъ, заключаютъ,
Гдѣ своды твердые темницу составляютъ,
Въ землѣ, сокрытую толико глубоко,
Колико отъ земли до неба далеко.
Когдабъ съ верховъ небесъ горнило вдругъ упало,
То въ девять дней оно едва бы пробѣжало
Пространство, сущее межь небомъ и землей,
Едва бы до земли достигло въ девять дней,
Сколь грозныя мѣста сіи всѣмъ смертнымъ вредны,
Вокругъ же ихъ стоятъ крѣпчайши стѣны мѣдны,
Тамъ прегустая тма чернѣйша всѣхъ ночей,
Разлившися вокругъ страны ужасной сей,
Призраки и мечты толпящися скрываетъ,
Сія страна свои основы опираетъ
На твердые столпы, которы тамъ стоятъ;
На сихъ столпахъ земля и море возлежатъ,

Въ семъ мѣстѣ ужаса и мрачности и смрада
Титанамъ навсегда Юпитеръ жить судилъ,
Неодолима имъ поставлена преграда
И двери мѣдныя Нептунъ къ ней приложилъ.
Стѣною мѣдною то мѣсто окруженно,
Тремя Циклопами со тщаньемъ охраненно;
Оно досталось имъ въ жилище и въ удѣлъ,
Оно и Ночи есть и Тартара предѣлъ,
Оно граница есть лазуреваго свода,
Текущихъ изъ земли ключей различна рода,
Темница страшная, гдѣ воздухъ весь гнилой,
А далѣ вихри тамъ, съ безмѣрной пустотой.
Когдабъ корабль несла сильнѣйшая погода,
Не пролетѣлъ бы онъ ее въ теченье года;
Жилище грозное и для самихъ боговъ,
Вокругъ премножество сгустилось облаковъ,
Атласъ, Яфетовъ сынъ, могущими руками
Поддерживаетъ тутъ все небо со звѣздами.
Въ семъ мѣстѣ Ночь и День бесѣдуютъ всегда;
Но вмѣстѣ не живутъ въ тожь время никогда,
Лишь выйдетъ День, и міръ лучами освѣщаетъ,
То Ночь межь тѣмъ его возврата ожидаетъ;
День смертнымъ свѣтъ даетъ, для дѣйствій и трудовъ,
Ночь вкупѣ съ Сномъ идетъ средь мрачныхъ облаковъ,
И Сонъ и алчна Смерть въ семъ мѣстѣ обитаютъ,
Ихъ солнечны лучи вовѣкъ не освѣщаютъ,
И солнце никогда не коснется сихъ странъ,
Восходитъ ли оно ложитсяль въ Океанъ;
У входа же сихъ мѣстъ мученія и стона,
Стоитъ ужасный домъ жестокаго Плутона,

Во отдаленіи отъ міра и небесъ,
Стрежетъ его всегда лукавый лютый песъ.
Онъ ласками всегда входящихъ обольщаетъ,
Ушами и хвостомъ онъ радость изъявляетъ;
Но вспять не выпуститъ изъ мѣстъ ужасных сихъ;
Онъ смотритъ тщательно на всѣ движенія злыхъ,
И естьли кто изъ нихъ назадъ идти желаетъ,
То онъ бросается и тотчасъ пожираетъ.
Богиня страшная для неба и земли,
Тутъ Нимфа Стиксова отъ всѣхъ боговъ вдали
Живетъ одна въ дому огромномъ и богатомъ
Сіяющемъ вездѣ и мрамором и златомъ,
На коемъ мраморный и сводъ сооруженъ,
Серебряными сводъ столбами подкрѣпленъ.
Во мрачныхъ сихъ мѣстахъ Ирида не бываетъ,
И рѣдко Зевсовы велѣнья сообщаетъ;
Но естьли преніе случится у боговъ,
Иль кто изъ нихъ возмнитъ устроить нѣкій ковъ,
Иридѣ воду Зевсъ принесть повелѣваетъ,
Которой клятва всѣхъ безсмертныхъ устрашаетъ;
Ирида предстаетъ, держащая рукой
Златый сосудъ весь полнъ сей хладною водой,
По каплѣ льетъ она ее съ горы высокой;
Священная рѣка течетъ во тмѣ глубокой,
Проходитъ Океанъ быстрѣйшею струей,
Дѣлится на десять серебреныхъ вѣтвей,
Изъ коихъ девять вкругъ всю землю обтекаютъ,
И, извиваяся, до моря достигаютъ,

Потомъ, теряются среди его валовъ;
Десятая же вѣтвь есть бичь самихъ боговъ,
Коль клянется кто изъ нихъ водою сей рѣшится,
И послѣ клятву ту нарушить устремится,
Тогда теряетъ онъ безцѣнный жизни даръ,
Не приближается къ устамъ его Нектаръ,
Ниже чудесная небесна Амврозія;
Бываетъ облеченъ тѣнями смерти злыя;
Лишенъ дыханія и жизни отчужденъ,
На цѣлый годъ въ одръ бываетъ положенъ.
По истеченіи назначеннаго года,
Онъ испытуетъ казнь еще инаго рода;
Съ Олимпа сосланный еще на девять лѣтъ,
Не входитъ ни въ пиры боговъ, ниже въ совѣтъ,
Въ десятый годъ опять въ права свои вступаетъ,
И мѣсто межь боговъ, какъ прежде, занимаетъ.
Всѣ боги въ трепетѣ щитаютъ то бѣдой,
Коль Стиксовой изъ нихъ поклялся кто водой:
Вода сія и страхъ и трепетъ всѣмъ наводитъ,
Затѣмъ, что Тартаръ вкругъ объемлетъ и обходитъ,
И отъ него дѣлитъ и неба сводъ и свѣтъ,
Ужаснѣй Тартара темницъ въ семъ мірѣ нѣтъ:
Онъ полонъ черноты и мерзости и смрада.
Тутъ двери марморны суть твердая преграда;
Дабы никто не смѣлъ назадъ поставить ногъ,
Поставленъ мѣдный тутъ недвижимый порогъ.
Титаны злобные въ семъ мѣстѣ заключенны,
Во мрачномъ Хаосѣ Олимпа удаленны,

У края оныхъ мѣстъ, во всѣхъ родящихъ
спрахъ,
И Коттусъ и Гигесъ живутъ въ большихъ
домахъ;
Нептунъ же, честь воздавъ за твердость Бріарею,
Соединилъ съ нимъ дщерь свою Кимополею,
И тако Бріарей награду воспріялъ,
Нептуна шумнаго любезнымъ зятемъ сталъ.
Когда Зевесъ низвергъ Титановъ всѣхъ съ
Эѳира,
Плѣненна Тартаромъ Земля, чтя въ немъ ку-
мира,
Съ нимъ съединилася — рожденъ отъ страс-
ти сей,
Тифонъ, послѣдній сынъ изъ всѣхъ ея дѣтей,
Онъ былъ чудовище непобѣдимой силы,
Огромные имѣлъ составы онъ и жилы;
Такой величины его былъ каждый членъ,
Что при воззрѣніи горой могъ быть почтенъ,
А ноги у него усталости не знаютъ,
Змѣиныхъ сто головъ плеча пріосѣняютъ;
Изъ челюстей его, среди его зубовъ,
Какъ уголь горящій сто сверкаютъ языковъ;
Льетъ пламя изъ очей подъ черными бровями,
И сто головъ его быть кажутся огнями;
Изъ нѣдра своего отверзстый каждый зѣвъ,
Отличный издаетъ ужасный нѣкій ревъ,
Почасту голосомъ онъ сходенъ съ человѣкомъ,
Но въ разстояніи онъ слышится далекомъ,
По часту съ грознымъ онъ шипѣніемъ свис-
титъ,
Потомъ, какъ дикій волъ, реветъ или мы-
читъ,

Или, подобно льву, изъ челюстей рыкаетъ,
И Эхо съ трепетомъ тѣ звуки повторяетъ.
Безсмертныхъ бы своей онъ силой побѣдилъ,
Когда бы брани сей Зевесъ не прекратилъ;
Но вдругъ отецъ боговъ Перуны съ громомъ мещетъ,
Колеблется земля и сводъ небесъ трепещетъ
Въ теченьи Океанъ подвигнутъ, возмущенъ,
И Тартаромъ ударъ Зевеса повторенъ.
Олимпъ, встревоженный, покрытый облаками,
Подъ сильными его колеблется стопами;
Зевесъ бросается со трона своего,
И вѣтры быстрые несутъ Перунъ его;
Сверкаютъ молніи и воду проницаютъ,
И небо и земля со трескомъ вдругъ пылаютъ;
Кипятъ моря, валы, подъятые горой,
Вдругъ разсыпаются, ударясь въ брегъ крутой:
Сіе смѣшеніе громовъ, кипѣнья, стона,
Во ужасъ привело свирѣпаго Плутона;
Титаны, коихъ домъ близъ Тартара стоитъ,
Трепещутъ, чувствуя, что цѣлый міръ горитъ,
Отецъ боговъ свое могущество являетъ,
Беретъ оружіе и молніи бросаетъ;
Перунъ, какъ быстрый вихрь, стихіи пробѣжавъ,
Сжигаетъ скоро въ пеплъ Тифоновыхъ сто главъ:
Ударомъ пораженъ Тифонъ, въ пучинѣ тонетъ,
Въ пещеры огнь проникъ, земля трясется, стонетъ,
И камни твердые отъ жара разтеклись,
Подобно олову, рѣкою полились;
Крѣпчайшій всѣхъ металлъ желѣзо твердо, прочно,
Огнемъ жегомо такъ разтаеваетъ точно.

Когда самой землѣ огонь довольный данъ,
И станетъ на него мѣхами дуть Вулканъ;
Такъ шаръ земный огнемъ свирѣпымъ распущенный,
Рѣкою пламенной течетъ до дна Геенны.

Тифономъ рождены сырые Вѣтры въ міръ,
Но лишь не отъ него Борей, Аргитъ, Зефиръ,
Сіи, назначенны для смертныхъ облегченья,
Гораздо лучшаго они происхожденья;
Другіежь Вѣтры всѣ зловредны для людей:
Они виною бурь, кипѣнія морей,
Отъ нихъ раждаются бѣды, напасти слезны
И повергаются суда въ морскія бездны.
Нещастенъ, естьли кто предприметъ водный путь,
Когда свирѣпые тѣ Вѣтры станутъ дуть:
Они толь вредную злѣтворность заключаютъ,
Что земледѣльчески работы разрушаютъ,
Подъята ими пыль наноситъ вредъ цвѣтамъ,
Колосья отъ нея страдаютъ по полямъ,

Когда безсмертные Титановъ побѣдили,
То, всѣ ігруды сверша, согласно присудили,
Чтобъ быстро-окій Зевсъ, объемлющій всю ігварь,
Возсѣлъ на тронъ боговъ и былъ Олимпа Царь;
Тогда онъ должности богамъ распредѣляетъ,
Съ Премудростію онъ сперва во бракъ вступаетъ;
Она въ познаніяхъ превыше всѣхъ боговъ,
Всѣ міра таинства въ ней скрыты отъ вѣковъ.

За тѣмъ Зевесъ ее избралъ въ супругу первую;
Когдажь она родить готовилась Минерву,
Зевесъ совѣтъ Земли и Неба совершилъ,
И въ нѣдрахъ онъ своихъ Премудрость заключилъ:
Земля и Небо въ томъ Зевеса утвердили;
Судьбы же такъ въ своихъ законахъ учредили,
Чтобы отецъ боговъ раждалъ всегда дѣтей
Блестящихъ разумомъ и мудростью своей;
Голубо-окая Минерва въ свѣтъ родилась,
Съ отцемъ понятіемъ и силою сравнилась;
Потомъ родился сынъ, славнѣйшій изъ сыновъ,
И былъ бы онъ Царемъ и смертныхъ и боговъ,
Когда бы не имѣлъ Зевесъ того въ предметѣ,
Чтобы Премудрость скрыть внутри въ своемъ совѣтѣ.
Зевесъ съ Ѳемидою вступилъ во бракъ второй:
Отъ нихъ родились Судъ, Законы съ тишиной;
Потомъ, за ними въ слѣдъ, три Парки порожденны,
Которымъ должности важнѣйши порученны,
Чтобъ смертныхъ, вшедшихъ въ міръ, судьбиной управлять,
Имъ мѣрой и добро и зло распредѣлять;
Зря Эвриному, дщерь прелестну Океана,
Блистающу красой и стройностію стана,
Зевесъ къ ней сильною любовью возгорѣлъ,
И отъ нея потомъ трехъ Грацій произвелъ:
Аглаю, Талію, пріятну Ефрозину,
Въ которыхъ смертны зрятъ отрадъ своихъ причину.
Но сей отецъ боговъ вступилъ съ Церерой въ бракъ,
И Прозерпина есть сея любови знакъ;

Она Церерою обильною рожденна,
Она потомъ была Плутономъ похищенна.
Со Мнемозиною Зевесъ вступилъ въ союзъ:
Она произвела прекрасныхъ девять Музъ,
Которыхъ пѣнія согласны и пріятны
Ліютъ во всѣ сердца восторги непонятны.
Латоной рождены Діана, Аполлонъ,
Избравшій для себя жилищемъ Геликонъ;
Сей родъ есть выше всѣхъ, для смертныхъ онъ полезенъ,
Олимпу и богамъ пріятенъ и любезенъ.
Когда свершилось все, тогда боговъ отецъ
Съ Юноною въ союзъ вступаетъ, наконецъ,
И отъ богини сей велѣла такъ Судьбина,
Чтобы родились Марсъ, Гевея и Луцина.
Минерва, наконецъ, изъ Зевсова чела,
Ко удивленію боговъ, произошла:
Всѣхъ мудростью она и силой превышаетъ,
Въ войнѣ, въ сраженіяхъ, забавы обрѣтаетъ;
Ревнуя славѣ сей супруга своего,
Юнона родила Вулкана безъ него.
Нептунъ вступилъ во бракъ съ прекрасной Амфитритой;
Отъ нихъ рожденъ Тритонъ, богъ сильный, знаменитой,
Имѣющій чертогъ во глубинахъ морскихъ,
Любящій съ нѣжностью родителей своихъ.
Когда съ Венерой Марсъ имѣлъ свиданья тайны,
Родились Ужасы отъ нихъ необычайны,
Которы богъ войны всегда съ собой влечетъ,
Когда во грады огнь, а страхъ въ полки несетъ.
Гармонія, сестра ихъ, съ Кадмомъ съединилась,
Амаія плодомъ отъ Зевса наградилась,

Меркурій, легкій богъ, былъ отъ нее рожденъ,
Посланникъ онъ боговъ, отъ смертныхъ онъ почтенъ.
Юпитеръ полюбилъ дщерь Кадма, Семелею,
И сына произвелъ любезнаго онъ съ нею,
А сынъ сей Бахусъ былъ, веселый богъ вина;
И сыну смертныя безсмертна часть дана.
Онъ съ матерью живетъ въ чертогахъ освященныхъ,
Бывая въ радостяхъ всегда неизреченныхъ.
Когдажь съ Алкменою вступилъ въ союзъ Зевесъ,
То былъ отъ нихъ рожденъ отважный Геркулесъ,
Хромый кузнецъ Вулканъ, художествъ богъ чудесной,
Сочетавается съ Аглаею прелестной.
Вакхъ съ Аріядною любезной въ бракъ вступилъ,
Которыя отецъ Миносъ премудрый былъ,
Которую Сатурнъ отъ старости избавилъ,
И вскорѣ ей потомъ безсмертіе доставилъ.
Алкидъ за подвиги Зевесомъ награжденъ,
Со дщерію его Гевеею спряженъ;
Симъ бракомъ восхищенъ Олимпъ высокій, снѣжный,
Торжествовалъ союзъ блистательной и нѣжный.
Колико же блаженъ Алкидъ предъ всѣми сталъ,
Когда безсмертіе за подвиги стяжалъ;
Отъ ига старости Алкидъ освобожденный,
Вчиненъ среди боговъ и Нектаръ пьетъ священный,
Какъ съ Персеидой Фебъ союзомъ сопряглись,
Отъ брака ихъ Аэтъ, Цирцея родились;

Аэтъ вельніе безсмертныхъ исполняетъ,
Съ прекрасной Идіей въ связь брачную вступаетъ,
Венера милостью почтила ихъ своей;
Медея хитрая есть плодъ любови сей.

О боги щедрые, всесильны, всемогущи,
Въ моряхъ, на островахъ и на землѣ живущи!
Вамъ въ даръ я приношу пѣснь важную сію,
И вами ободренъ еще я воспою!

О Музы чистыя, богини вдохновенны,
Зевесомъ на Олимпъ священный поселенны!
Воспойте тѣхъ богинь и родъ и бытіе,
Которыя, забывъ безсмертіе свое,
Ко смертнымъ страстію любовной воспылали,
Для нихъ Олимпа блескъ по часту оставляли,
И въ ихъ объятіяхъ, вкушая тьму отрадъ,
Отъ нихъ произвели богамъ подобныхъ чадъ.

Церера, слѣдуя Кипридину закону,
Любовью воспылавъ къ прекрасному Язону,
Въ обильный островъ Критъ съ высотъ небесъ сошла,
И тамъ Язону знакъ любви своей дала,
Отъ нихъ произошелъ богъ Плутусъ славный, сильный,
Правитель всѣхъ богатствъ, щедротами обильный;
Онъ странствуетъ вездѣ, по всѣмъ земли странамъ,
Летаетъ съ быстротой чудесной по морямъ.
Блаженъ, кто Плутусу навстрѣчу попадется,
Къ тому богатство въ домъ, какъ водный токъ польется.

Гармонія на свѣтъ рожденна Афродитой,
Супругъ былъ Ѳивскій царь Кадмъ мудрый знаменитой,
Отъ нихъ произошли Агвая, Полидоръ
Когда же въ связь вступилъ съ Каллирой Кризаоръ,
Которому Судьбы чрезмѣрну силу дали,
Безчисленны стада животъ его скончали,
Онъ въ Евритеѣ былъ Алкидомъ побѣжденъ,
И въ преисподній мракъ навѣки заключенъ.

Любовь нѣжнѣйшая Авроры и Титона,
Произвели царя премудраго Мемнона;
Отъ нихъ же произшелъ и царь Гематіонъ,
Авророй же рожденъ сынъ храбрый Фаэтонъ,
Герой, сравнившійся величіемъ съ богами;
Лишь только возблисталъ онъ юности цвѣтами,
Богиней Смѣховъ, Игръ, Венерой похищенъ,
И стражемъ былъ ночнымъ къ ней въ храмъ опредѣленъ,
И ею былъ вчиненъ въ число духовъ небесныхъ.

Язонъ, сверша работъ премножество чудесныхъ,
Которы Пеліясъ жестокій предписалъ,
При помощи боговъ, себѣ въ супруги взялъ
Медею, дщерь царя пресильнаго Аэта,
Волшебствомъ бывшую великимъ чудомъ свѣта.
По окончаніи трудовъ и громкихъ дѣлъ,
Язонъ на кораблѣ чрезъ море полетѣлъ,

Съ драгой Медеею, которой онъ плѣнился,
И съ пышностью ихъ бракъ отличною свершился.
Медея въ бракѣ семъ и сына родила,
Котораго своимъ названьемъ нарекла;
На воспитаніе онъ отданъ былъ Хирону,
Родителей его послѣдуя закону,
Онъ на горахъ его высокихъ возрастилъ,
И такo волю Зевсъ во всемъ свою свершилъ.
Межь многихъ сыновей и дочерей Нерея,
Была царица Нимфъ прелестна Псамиѳея,
Она свою судьбу съ Эакомъ сопрягла,
И Фока отъ него потомъ произвела.
При сильной помощи царицы душъ Киприды,
Отъ сребро-ногія блестящія Ѳетиды,
Съ которою Пелей союзомъ съединенъ,
Съ душою львиною былъ Ахиллесъ рожденъ,
Отважный Ахиллесъ краса и цвѣтъ героевъ,
Одинъ сражавшійся противу многихъ строевъ.
Анхиза полюбя прекрасна Цитерея,
На Идѣ родила среди лѣсовъ Энея.
Цирцея, Солнца дочь, съ Улиссомъ сопряженна,
Рукой Судьбы двумя сынами награжденна,
Агріемъ названъ былъ изъ сихъ сыновъ одинъ,
Другой Улиссовъ сынъ былъ храбрый царь Латинъ;
Ихъ царство въ островахъ Тиренскихъ освященныхъ,
Въ краяхъ отъ Греціи чрезмѣрно удаленныхъ;
Улиссъ съ Калипсою имѣлъ еще дѣтей,
Одинъ былъ Навсиной, другой же Навзитей.

Сіи-то племена толь славны благородны,
Которыхъ отрасли во всемъ съ богами сходны,

Когда съ героями богини сопряглись,
Такія-то плоды прекрасны родились.
О Музы громкія! вы, коихъ сладко пѣнье
Лiетъ во всѣ сердца небесно восхищенье!
Прославьте новый родъ отличныхъ смертныхъ женъ,
Въ которыхъ съ красотой былъ вкупѣ съединенъ
Безцѣнный даръ Небесъ священна добродѣтель,
Украсивъ ею ихъ Зевесъ, всѣхъ благъ содѣтель,
Богинямъ равными сихъ смертныхъ сотворилъ,
А Фебъ ихъ имена потомству сообщилъ.

КОНЕЦЪ.

33 W

Deacidified using the Bookkeeper process.
Neutralizing agent: Magnesium Oxide
Treatment Date: July 2006

PreservationTechnologies
A WORLD LEADER IN PAPER PRESERVATION
111 Thomson Park Drive
Cranberry Township, PA 16066
(724) 779-2111

WERT
BOOKBINDING
Grantville, Pa.
Jan - Feb 1989
were Quality Bound